

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ШОУ
В ЖАНРЕ
ТРИллЕРА

РАНО ИЛИ ПОЗДНО БЕСЫ, КОТОРЫЕ ПРЯЧУТСЯ НА ДНЕ ТВОЕЙ ДУШИ, ВЫРВУТСЯ НА СВОБОДУ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Шоу в жанре триллера

«ЭКСМО»

2005

Леонтьев А. В.

Шоу в жанре триллера / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2005

Марта ощутила знакомое покалывание в кончиках пальцев и закрыла глаза. Сейчас начнется. В воздухе, прямо из ниоткуда, появилось пламя... Известная писательница Серафима Гиппиус гостила в доме своего бывшего мужа, не менее известного кинорежиссера Марка Михасевича. Его молодая жена Юлиана стала получать анонимные письма с угрозами, но Марк не хотел поднимать шум и попросил Гиппиус разобраться в этой щекотливой проблеме «по-семейному». Писательница подумала, что это чьи-то шутки, и напрасно: во время съемок на Юлиану упала декорация, женщина чудом не пострадала... Несколько днями позже Серафима смотрела и не могла поверить: неопрятная полная женщина прямо из воздуха вызвала пламя. К особняку Михасевичей приближался огненный шар!..

© Леонтьев А. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

11 марта, Лос-Анджелес	5
18 марта, Лос-Анджелес	10
22 марта, Лос-Анджелес	11
24 марта, Лос-Анджелес	13
25 марта, Лос-Анджелес	16
27 марта, Лос-Анджелес	20
9 апреля, Лос-Анджелес	26
14 апреля, Варжовцы	28
23 апреля, Экарест	31
24 апреля, Варжовцы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Антон Валерьевич Леонтьев

Шоу в жанре триллера

11 марта, Лос-Анджелес

– Я все скажу, только оставьте меня в живых! – простонал мужчина, хватаясь за голову. Казалось, что тяжеленный молот расколол ее надвое – удар у Китайца был ужасающей силы.

– Конечно, ты скажешь, – произнес Китаец на английском с сильным герцословацким акцентом. – Итак, если хочешь жить, говори, где пять миллионов!

– Я их не брал! – взмолился мужчина. Китаец со всей силы пнул его.

Тот потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что находится внутри небольшого фургона. Рядом была его жена. Испуганная, окровавленная, связанная, рот залеплен скотчем. Она пыталась что-то произнести, но эти звуки больше походили на мычание.

– Ну что, – Китаец склонился над мужчиной и, схватив за волосы, приподнял с грязного пола фургона. – Теперь твоя память проявилась? Ты так и не вспомнил, где деньги? Если нет, то... Давайте, парни, покажите, на что вы способны!

Сообщники Китайца – а их было двое: рослый дегенерат с рыжей козлиной бородкой и лысый бугай в кожаной куртке с изображением черепа – схватили женщину. Та начала сопротивляться, извиваясь и пытаясь освободиться. Тот, что с бородкой, ударил ее по лицу, она вскрикнула. Он взял ее за шею, а другой рукой нанес серию ударов прямо в лицо.

Мужчина лежал и слушал, как истязают его жену. Что он мог сделать? Если скажет, где деньги, его убьют, это точно. Если не скажет, его все равно убьют. Китаец был самым свирепым и безумным мафиози в Лос-Анджелесе. Он прибыл сюда из Герцословакии, из этой идиотской посткоммунистической страны на Балканах, где самый весомый аргумент – сила. Зря мужчина согласился работать на мафию, хотя именно это позволило ему купить шикарный особняк, небольшой домик во Флориде, обзавестись собственным катером, белоснежным красавцем, мечтой его детства.

И вот в одночасье все изменилось – зачем он только решил, что денег у мафиози и так много и пропажу нескольких миллионов никто не заметит? Еще бы пару часов – и они бы с женой скрылись, все было готово, где-нибудь в Южной Америке или Новой Зеландии они провели бы остаток жизни в достатке и покое.

– Ты все еще не хочешь говорить? – Китаец наступил ему на шею тяжелым ботинком. – Что, задыхаешься? Тебе нечем дышать? Хочется жить?

Затем мафиози отдал несколько команд на гортанном герцословацком языке. Бухгалтер мафии смотрел с все возрастающим ужасом на то, как подонок в кожаной куртке достал небольшую ацетиленовую горелку. Голубоватое пламя, вспыхнув, загудело.

– У тебя есть еще десять секунд, чтобы сказать мне, где пять миллионов, – гнусаво продолжил Китаец.

Бухгалтер взглянул в его раскосые глаза. В них светились безумие и ярость. Он слышал, что и в растреклятой Герцословакии Китаец считался одним из самых свирепых и, что самое ужасное, неуправляемых мафиози. Как было хорошо во времена «холодной войны» – Америка жила спокойно, герцословаки обитали на Балканах, пили сливовую водку вместе с медведями, не лезли в чужие дела. Теперь они заплонили Штаты, прибрали к рукам проституцию, игровой бизнес, торговлю наркотиками и оружием. Ему, как бухгалтеру, приходилось работать и на азиатов, и на итальянцев, и даже на негров. Все они отличались изощренной жестокостью, но герцословаки превзошли всех – они убивали из прихоти, для них смерть была обычной забавой. Но ему так не хотелось умирать!

Сподручный Китайца поднес гудящую горелку к лицу женщины. Та завизжала, пытаясь отклониться от огня.

– Рассказать, что сейчас произойдет с ней? – произнес Китаец. – Сначала начнет тлеть кожа, потом сгорят ткани лица. Затем расплавятся волосы, лопнут глаза. Боль будет ощущаться только в первые десять секунд, затем погибнут нервные окончания, и она перестанет чувствовать боль. Начинай!

– Я скажу! – простонал бухгалтер.

Он понимал, что все это ни к чему хорошему не приведет. Их убьют, как только он скажет, где деньги. Но лучше умереть от пули в затылок, чем мучиться в огне ацетиленовой горелки.

– Ну вот и прекрасно. – Рифленая подошва Китайца исчезла с его горла, бухгалтер смог вздохнуть полной грудью. И он начал говорить.

– Папа, останови здесь, я хочу мороженого! – попросила Дженни, и Алекс Уорф притормозил. Каждая вторая суббота месяца – вот и все, что осталось у него от прежней семейной жизни. Он знал, что не был примерным мужем и отцом, однако никогда не подозревал, что Линда отнимет у него дочь.

Ее адвокаты сделали все возможное и невозможное, чтобы представить его в суде как сомнительного субъекта, фотографа без твердого заработка, ведущего к тому же аморальный образ жизни. Они отыскивали его нескольких подружек – Алекс не помнил ни их имен, ни обстоятельств, при которых он переспал с ними. Суду этого вполне хватило, было вынесено решение в пользу матери об опеке над Дженни. Он был обязан платить кругленькую сумму в качестве алиментов и имел право каждую вторую субботу видеться с дочерью.

– Пошли, я куплю тебе, – сказал Алекс, притормозив у супермаркета.

Голова у него трещала, не нужно было вчера курить марихуану. Он же знает, что, если Линда пронюхает об этом и настучит в комитет по опеке, у него отберут и эту единственную возможность видеть Дженни. Настроение у Алекса Уорфа было отвратительное, он сидел без работы уже третью неделю, восемнадцать журналов отвергли его снимки, а из пяти даже не прислали отказа – они и за человека его уже не держат.

Черт возьми, ведь было время, когда имя Алекса Уорфа автоматически открывало все двери, он был желанным гостем на любой вечеринке голливудских звезд, заказы на него так и сыпались как из рога изобилия. Это было давно, так же давно, как и идиллическая жизнь с Линдой. Они любили друг друга, хотя теперь вспоминать об этом было неловко. А что произошло потом? Алекс не знал, кто был виноват в том, что его фотографии упали в цене, появились более молодые и ловкие, он перешел на третьесортные фото, начал пить, увлекся травкой. Да, если бы все можно было изменить...

– Папа, подожди меня в машине, – капризным тоном произнесла дочь. – Я уже большая, мне не нужно, чтобы ты сопровождал меня. Билл это понимает. И еще, папа, у тебя право быть со мной до шести, но меня пригласил Джордж на день рождения, ты ведь сможешь отвезти меня к нему?

Алекс закрыл глаза и кивнул. Затылок словно свинцом налился. Дженни выросла, он видит ее два раза в месяц, и она все больше отдаляется от него. Алекс запомнил ее малышкой десяти лет, теперь ей пятнадцать, и она превратилась в современную девушку. Конечно, зачем ей отец-неудачник, про которого мать каждый день твердит, что он загубил не только свою жизнь, но и ее тоже. Линда снова вышла замуж, Алекс пытался протестовать, но его адвокат сказал, что они ничего не в силах изменить, появился этот Билл. Чертов Билл, которому Уорф столько раз был готов расквасить лощеную физиономию, от чего Алекса удерживало только то, что тогда-то его точно лишат возможности видеть Дженни. А нужен ли он ей? У нее есть Джордж, очередной бойфренд. Она уже не играет в куклы и не смотрит мультфильмы про Дональда Дака.

Алекс потянулся и вышел из машины. Нет, он не позволит Линде испортить ему свидание с дочерью. Только подумать – он видится с ней, как заключенный.

– Малышка, – сказал Алекс, когда Дженни вернулась, – я хочу...

– Папа, – произнесла дочь покровительственным тоном, – не называй меня так, мне уже пятнадцать. Мама и Билл давно не называют меня малышкой!

Алекс закрипел зубами, но ничего не сказал. Может быть, стоит натянуть чулок на голову, подстеречь этого Билла в темном углу и отделать его бейсбольной битой? Никто не докажет, что это сделал он, Уорф.

– Дженни, я захватил камеру, – произнес примирительно Алекс. Если он не хочет вслед за Линдой потерять и Дженни, то должен привыкнуть к ее капризам.

– Ой, папа! Классно! – воскликнула дочь.

Алекс растянул лицо в улыбке. Он и не думал, что дочь будет так рада этому пустяку. Чтобы хоть как-то скрасить свое одиночество, он иногда брал на свидание камеру. У него была мысль сделать документальный фильм о том, как Дженни растет, но каждый раз, когда он вплотную подходил к этому, оказывалось, что есть и другие, более насущные дела.

Только работа давала Алексу чувство полного раскрепощения. Он снимал Дженни в различных местах и ракурсах, старался не повторяться. Время летело незаметно. Осталось еще десять минут – и потом ему нужно везти дочь к Джорджу.

– Папа, давай здесь, – Дженни указала ему на великолепный особняк, полускрытый в тени пальм. В Лос-Анджелесе никого нельзя было удивить этим великолепием. Алексу самому, в период расцвета карьеры, удалось заснять Мадонну в небольшом магазинчике, где та, растрепанная, без косметики, выбирала нижнее белье. Эту серию снимков у него с руками оторвали за двести тысяч.

Алекс осмотрелся по сторонам. В его положении привлекать к себе внимание полиции не самое разумное, владельцы особняка и припаркованного рядом с ним черного «Ягуара» могут оказаться склочными типами, в основном все голливудские суперстар именно такие – он имел возможность лично убедиться в этом.

Никого нет, только неприметный фургон, который медленно движется в начале улицы. За рулем странный тип, обычно такие сидят на скамье подсудимых по обвинению в разбое и изнасилованиях – в последнее время Алекс работал на поприще судебных сенсаций, пытаясь заснять то Майкла Джексона по пути в здание суда, то какого-нибудь маньяка, которому вынесли смертный приговор, или подростка, сбившего по пьянке семерых.

– Пойдем, – сказал он Дженни. – Я пришлю тебе фотографии, и ты сможешь сказать своему Джорджу, что у твоего настоящего отца есть «Ягуар»!

Они подошли к автомобилю. Дженни сразу же преобразилась. Алекс вспомнил, что дочь спит и видит, как стать фотомodelью. Потом одернул себя – собственной дочери он никак не мог пожелать оказаться в этом болоте. Пусть идет в колледж.

Алекс взял камеру и стал снимать дочь. Вот она рядом с черным «Ягуаром», на заднем плане – особняк в итальянском стиле.

– Только близко не подходи! – крикнул он Дженни. Не хватало еще, чтобы сработала сигнализация. – Так, так, хорошо!

Тем временем фургон медленно катил по пустынной улице. Китаец был доволен – бухгалтер не выдержал и с перепугу рассказал ему про пять миллионов. Это все, что требовалось знать.

– Ты поступил умно, что решил сказать правду, – произнес Китаец. – И знаешь, почему? Потому что это избавило тебя и твою женушку от мучительной смерти. Если сейчас мне позвонят и скажут, что кейс с баксами действительно спрятан под барахлом на чердаке в бунгало у океана, то для тебя все закончится.

Раздалась мелодия «Маленькой ночной серенады» Моцарта, Китаец вынул из кармана куртки мобильный телефон.

– Все в порядке, – произнес грубый голос. – Деньги у нас. Все пять миллионов. Были уложены пачками стодолларовых купюр в старый клеенчатый чемодан.

– Ну что же, мне было приятно иметь дело с таким честным человеком, как ты, – произнес с издевкой Китаец.

Бухгалтер похолодел. Он понимал, что мафиози не оставит ни ему, ни жене ни малейшего шанса.

– Ты работал на меня пять лет, это похвально, и мог бы работать еще столько же и через много лет умереть богатым и уважаемым человеком в собственной постели от старости. Но тебе казалось, что я недоплачиваю тебе. Такого я не прощаю. Так что можешь последний раз взглянуть на свою жену.

С этими словами Китаец подошел к женщине, лежавшей без сознания на полу фургона, и молниеносным движением сломал ей шею. Бухгалтер не успел даже осознать, что происходит. Он только слышал, как громко треснули шейные позвонки его жены.

– Кончайте и его, – приказал Китаец двум помощникам.

Но еще до того, как мафиози с бородкой склонился над бухгалтером, чтобы прирезать его, жертва из последних сил приподнялась и ударила того в пах. Мафиози взвыл и от неожиданности выпустил из руки нож. Звякнув, нож упал, а бухгалтер подхватил его и с остервенением вонзил в ногу своему несостоявшемуся убийце. Никто из герцословаков не ожидал такого поворота событий. Козлобородый заорал, бухгалтер пополз к двери фургона и нажал на ручку. Дверь приоткрылась, до желанной свободы было всего полметра...

Китаец действовал стремительно. Всего один прыжок – и он оказался около бухгалтера. Обхватив его шею локтем, мафиози коленом уперся в позвоночник жертвы. Бухгалтер закричал, крик вышел глухим. Еще одна секунда – и его тело обмякло. Лысый герцословак в кожаной куртке с черепом втащил за ноги тело бухгалтера внутрь фургона. Китаец, перед тем как захлопнуть дверцу, внимательно осмотрелся по сторонам. Они были в фешенебельном районе – бухгалтер купил себе нехилую трехэтажную виллу за четыре с половиной миллиона. Полиции, слава богу, поблизости нет.

Китаец заметил в конце квартала две фигуры. Похоже, мужик с девчонкой. Ничего страшного, они не могли видеть, что произошло, а если и видели, то предпочтут молчать.

– Заткнись! – крикнул он завывавшему бородачу, который вцепился в раненую ногу. – Нужно было сразу кончать его. А теперь в порт, – приказал он водителю.

Тот молча кивнул. Фургон резко сорвался с места, набирая скорость.

– Необходимо избавиться от тел, – сказал Китаец. – Пусть ими питаются рыбы.

– Что это? – произнесла Дженни.

Она испуганно посмотрела на отца. Алекс насторожился. Он тоже слышал приглушенный крик. Так и есть, фургон, который проехал мимо них несколькими минутами ранее, как в гонках, сорвался с места. Дженни не могла видеть того, что произошло, ведь она стояла спиной к фургону, позируя около «Ягуара». А он видел.

Алекс видел, как дверь фургона распахнулась, появился некто в окровавленном дорогом костюме. За ним выскочил странный бритоголовый тип. Дальнейшее произошло слишком быстро. И все же Уорф краем глаза уловил движение: человека, который пытался покинуть фургон, втащили обратно. Жертва уже не сопротивлялась. Алексу приходилось, и не раз, снимать трупы. И тот человек очень походил на труп. Сначала был живым, а секунду спустя – уже мертвец. Бритоголовый сломал ему шею.

– Все в порядке, – произнес Алекс.

Скорее всего, это мафиозные разборки. Не хватало еще, чтобы их засекли. Алекс прекрасно знал, как мафия поступает с ненужными свидетелями, – три месяца назад он делал серию снимков с места преступления, это была настоящая бойня, бандиты вырезали целую семью из пяти человек. Итальянская мафия сводила счеты с одним из своих членов, который согласился дать обвинительные показания против ее верхушки в обмен на защиту полиции. Полиция не смогла уберечь осведомителя, в итоге выпотрошили внутренности не только самому предателю, но и его жене и трем малолетним детям. Так сказать, чтобы другие видели наглядный пример нарушения кодекса чести и омерты – обета молчания.

– Дженни, – Алекс спрятал камеру и подтолкнул дочь к машине, – тебе пора, твой Джордж уже, наверное, заждался.

– Папа, что это было? – упрямо стояла на своем Дженни.

Алекс судорожно сглотнул. Ему стало по-настоящему страшно. Не нужно впутывать сюда Дженни и Линду. И даже этого лощеного придурка Билла не следует впутывать. Пусть живут своей обычной размеренной мещанской жизнью.

– Да так, наркоманы балуются, – сказал Алекс. Он вообще-то и сам был наркоманом, но дочери совсем не обязательно быть в курсе. – Нам пора, Дженни. Быстрее, я сказал, быстрее!

Нет, фургон исчез, значит, они не привлекли внимание мафии. Алекс завел автомобиль, и они как можно скорее убрались из шикарного района с виллами и «Ягуарами». Алекс пытался шутить, но это у него получалось плохо. И зачем он только остановился около этого «Ягуара»?

Дочь, успокоенная его объяснением, уже забыла о странном приглушенном крике. Хорошо, что девочка ничего не видела. Алекс чувствовал – ему необходимо выпить. А лучше – затянуться парой косяков.

Алекс высадил ее около дома Джорджа. Дочь, поцеловав его в небритую щеку, взяла с заднего сиденья подарок, который она приготовила своему бойфренду. Алекс был рад, когда Джордж, высокий и немного прыщеватый увалень, встретил Дженни у порога. Черт возьми, он даже поцеловал ее – и это был не дружеский поцелуй! Какому отцу приятно наблюдать за подобным? Дженни помахала Алексу рукой и исчезла в доме приятеля.

Вернувшись домой, в свою грязную квартирку, захлавленную и заваленную банками из-под пива, упаковками от презервативов и грязными носками, Алекс первым делом бросился к холодильнику. После четвертой банки пива он почувствовал, что ситуация нормализуется. К вечеру, после дозы виски и травки, он понял, что ничего страшного не произошло. Ночью, когда ретивая негритянка с силиконовым бюстом елозила по его телу, кусая за шею, он окончательно решил, что все в порядке.

В теплых волнах дурмана он мечтал о том, что в следующий раз, когда он увидится с Дженни, все будет гораздо лучше. Никакой мафии, никакого Билла.

Алекс не знал только одного – следующего раза не будет. Когда Дженни увидела его в следующий раз, он лежал в гробу. Мертвый. С дырой в сердце от узкого длинного лезвия. Дочь поцеловала его в окоченевший лоб, покрытый специальной краской для покойников (для придания телу усопшего приятного для глаз оттенка, как гласил рекламный проспект похоронного бюро). Бывшая жена Линда (черный цвет ее старил, но пришлось надеть, все-таки похороны мужа, хотя и бывшего) для приличия чуть всплакнула, ее новый супруг Билл сжал ее ладонь своей. Затем гроб с телом Алекса был кремирован, а прах заключен в небольшую серебристого оттенка стальную коробку, тем же вечером всхлипывающая Дженни в компании с Джорджем развеяла его на берегу Тихого океана.

Однако до этого события предстояло произойти еще череде других. До смерти фотографа Алекса Уорфа оставалось еще шестнадцать дней.

18 марта, Лос-Анджелес

Китаец насторожился. Ему показалось, что за окном мелькнул луч фонаря. Он бесшумно поднялся и осторожно подошел к окну, которое и днем и ночью было забрано жалюзи. Он осторожно взглянул на то, что происходит снаружи. Перед домом был установлен мощный фонарь. Бездомный катил перед собой набитую хламом детскую коляску.

– Милый, – услышал он нежный голос своей подружки, – возвращайся, нам вместе было так хорошо!

Китаец отошел от окна и оказался рядом с кроватью, застеленной черным шелком. Закинув руки за голову, его ждала рыжеволосая дива с идеальной фигурой. Китаец плотоядно усмехнулся. Что ему нравилось в этой долбаной Америке, так это шлюхи. В Экаресте, столице его родины Герцословакии, – а там он в последние годы бывал редко, навещал престарелых родителей, – шлюхи брали много, а делали мало. Здесь путаны были готовы на все.

Он опустился на ложе рядом с рыжеволосой. Он познакомился с ней несколькими часами раньше в шикарном баре и сразу же понял, что хочет ее.

Женщина поцеловала его, он взял инициативу на себя и с нахрапом навалился на нее стокилограммовым телом.

В этот момент до его уха донесся слабый звук. На Китайца уже около года охотилась вся американская полиция, поэтому ему и приходилось соблюдать все меры предосторожности. Но это не помешало ему совершить за этот год еще ряд грандиозных преступлений.

Он попытался вскочить, но рыжеволосая шлюха мертвой хваткой вцепилась в него. Он ударил ее по лицу, однако женщина нанесла ему серию ударов в солнечное сплетение. Китаец оказался не готов к этому, обычно женщины, с которыми он спал, были послушными и боязливыми.

В соседних комнатах, где находилась его охрана, слышались крики и выстрелы. Полиция устроила облаву, у него есть еще шанс – через окно.

Полностью обнаженная шлюха, отбросив одной рукой со лба длинные пряди огненных волос, а другой удерживая невесть откуда взявшийся пистолет, наглым тоном произносила:

– Сергей Китаевич, вы арестованы, у вас есть право хранить молчание...

Китаец начал безудержно хохотать, он хохотал даже тогда, когда, вышибив дверь, в спальню влетела дюжина полицейских, когда его поставили к стенке, когда на руках у него щелкнули наручники.

– Сержант Маккой, – произнес руководитель операции, обращаясь к проститутке, которая, закутавшись в черную шелковую простыню, навязку стояла перед ним, – вы превосходно справились с поставленной задачей, благодаря вам опасный преступник арестован. Думаю, что вам недолго ждать повышения. Кроме того, я буду просить о представлении вас к награде.

– За что? – все еще давясь от хохота, произнес Китаец. – За то, что дала мне? Черт возьми, меня арестовала шлюха, которая оказалась замаскированным сотрудником полиции. А вас что, в полицейской академии учат в том числе и траханью с мафиози?

Сержант Маккой подошла к Китайцу, презрительно посмотрела на его естество и изо всей силы ударила в пах. Китаец упал на колени, в глазах у него потемнело. Полицейские, дружно улюлюкая, заплотировали.

– Служу Америке! – провозгласила сержант.

Китайца схватили и грубо потащили к выходу. Его уже ждал кортеж полицейских машин.

22 марта, Лос-Анджелес

Китаец знал, что говорить. В Экаресте сейчас около полуночи, но его это не волновало. Он набрал номер, который помнил наизусть. Трубку сняли после третьего звонка, словно кто-то выжидал.

– Это я, – хрипло сказал в трубку Китаец. – Ты меня узнал?

Собеседник Китайца узнал его сразу же. Он ждал этого звонка с момента его ареста.

– Конечно, Сергей, – ответил собеседник. – Как у тебя дела?

– Какие могут быть дела в поганой тюрьме? Американцы взялись за дело всерьез. Они хотят сделать из меня смертника. Вы должны помочь мне... Скажи Эдуарду, что я передаю ему большой привет!

Китаец знал: ему грозит смертная казнь. А умирать он не собирался. Для этого он и позвонил в Экарест.

– Ну разумеется, Сергей, – ровно ответил собеседник. Он знал, на что намекает Китаец. – Уверяю тебя, что Эдуард лично обеспечит твое триумфальное возвращение на свободу. Всем ясно, что ты невиновен. Суд тебя оправдает.

– Как пить дать, оправдает, – осклабился Китаец. Со стороны их беседа выглядела невинной, однако обоим собеседникам был понятен подтекст.

– Не беспокойся, – ответил человек в Герцословакии. – Отдел займется этим. Он готовит праздник в твою честь.

– Я очень надеюсь, что ваши люди еще не утратили прежнее мастерство, – сказал Китаец. – А то ведь если что, так и передай Эдуарду – я не буду молчать. Ты, надеюсь, понимаешь? Мне не хочется идти на дно одному. А мне есть что рассказать. Так что действуйте, ребята!

После этих слов Китаец повесил трубку. Что же, его старый друг Эдуард предупрежден. И теперь он точно не допустит осуждения. Из кожи вылезет, но не допустит. На карту поставлено слишком многое.

Один из бывших подчиненных Китайца, Томаш Хенрылка, согласился дать показания против него. Хенрылке пообещали простить все грехи и после окончания процесса вручить новые документы и оплатить пластическую операцию. Если Хенрылка расколется, для Китайца это будет означать одно – смертельная инъекция. Томаш знает очень многое.

Поэтому ему надо умереть. Пусть Эдуард и займется этим.

Эдуард Теодорович, которому немедленно сообщили о звонке Китайца, задумался. Китаец практически ничего не сказал, едва ли даже самый изощренный прокурор сможет использовать этот разговор против мафиози. Разговор двух старых друзей, один просил другого о помощи. Разумеется, о юридической или моральной.

Эдуард прошелся по просторному кабинету. Он слышал, как скрипнула дверь, появилась жена. Она уже который год страдала бессонницей.

– Какие-нибудь неприятности? – спросила она.

Эдуард с легкой улыбкой отмахнулся, подошел к жене. Он с нежностью поцеловал ее в лоб. Она стала такой хрупкой, бессонница совсем доконала ее. Надо бы поехать на курорт, говорят, в Австрии есть санаторий, в котором эффективно лечат расстройство сна. Как только Китайца оправдают, они сразу же отправятся в Альпы.

– Да так, ничего серьезного, – солгал он.

Жена подошла к массивному шкафу, достала детектив и, пожелав ему спокойной ночи, ушла. Похоже, что ни он, ни она не сомкнут этой ночью глаз. Она будет читать, потому

что не может уснуть. А он начнет составлять план, как вытащить Китайца из калифорнийской тюрьмы.

Эдуард Теодорович знал Китайца по крайней мере лет пятнадцать, возможно, чуть больше. Тот своих слов на ветер не бросает – он на самом деле знает слишком много. Например, может рассказать о том, как его людям пришлось устранять известного журналиста – писака, пронюхал о многом, поэтому одним весенним вечером, усевшись в собственный автомобиль, он, вместо того чтобы ехать домой, отправился на тот свет. Мощный взрыв превратил его «Мерседес» в грудку искореженных обломков. Китаец знал заказчика – влиятельного банкира. У него были документы по махинациям с нефтедолларами, незаконными поставками оружия. И это только верхушка айсберга. В общем, Китаец дал понять – или Эдуард вытащит его из тюрьмы, или он начнет говорить. А это потянет за собой серию грандиозных разоблачений. Китаец не хочет умирать в одиночку.

А если так, то не будет ни отдыха в Альпах, ни тихой семейной жизни с внуками – ничего не будет. Эдуард Теодорович мучительно размышлял. Придется задействовать людей из Отдела, чтобы устранить предателя Хенрылку. Он согласился дать показания против Китайца. Он не должен предстать перед жюри присяжных. Хенрылку скрывают федералы, подобраться к нему, казалось бы, невозможно.

Но для Отдела нет ничего невозможного. Недаром там собраны самые выдающиеся люди. У него есть еще два дня.

Эдуард Теодорович ощутил во всем теле небывалую усталость. Пора завершать свою деятельность в Отделе. Он стоял у его истоков тридцать пять лет назад, и тогда ему было за тридцать. Так хочется обыкновенной жизни, больше не знать ничего об убийствах, насилии, крови, смертях. Жить на даче под Экарестом, читать Коэльо, Достоевского и Фолкнера, вырезать из дерева смешные фигурки зверей и радоваться за внуков. Копаться в огороде и саду, выращивать гладиолусы и смородину.

Он знал, что до этого рукой подать. Он уже подыскал себе замену. Остается только решить проблему с Китайцем. И он решит ее. За последние тридцать пять лет ему приходилось справляться и не с такими задачами.

Справится и на этот раз.

24 марта, Лос-Анджелес

Алекс почувствовал изжогу. Похоже, ему нужно прекратить увлекаться дешевым пивом. Он рыгнул и отшвырнул смятую банку в угол. Черт возьми, когда он последний раз убирался? Разве был последний раз? Кажется, с тех пор как он въехал сюда около полутора лет назад, он ни разу не проводил уборку.

Его подружки, вернее сказать, те из шлюх, с кем он регулярно спал, пытались придать этому жилищу божеский вид, но их попытки ни к чему не приводили. Они были нужны ему для секса, а не для того, чтобы выносить мусор или гонять тараканов.

Он включил настольную лампу. Несмотря на то что был конец марта, в Лос-Анджелесе стояла адская жара: столбик термометра приближался к отметке в тридцать градусов.

Сквозь приоткрытое окно, которое выходило на замусоренную улицу, доносились крики соседей, в основном это были многодетные эмигранты из Коста-Рики и Мексики.

На дисплее компьютера разворачивалось все то, что он снимал около двух недель назад, – его дочурка улыбается около особняка и шикарного черного «Ягуара». Так, а это что? Алекс присмотрелся, точно, этот странный фургон попал в объектив камеры. Медленно катит по тротуару.

Современная техника просто чудо – достаточно иметь даже расплывчатое изображение, остальное сделает компьютер. Изображение пока что плохое, нет четкости. Фургон, который до этого был небольшим темным пятном на заднем плане, стал центральным объектом. Алекс увеличил изображение двери фургона. Теперь можно в замедленном режиме посмотреть на то, что произошло на самом деле.

Медленно и плавно дверь фургона распахнулась, появилось лицо мужчины средних лет, в дорогом костюме, оно было в крови, похоже, кто-то усердно потрудился над его физиономией. Человек пытается вылезти из фургона, не опасаясь, что выпадет из машины на ходу.

Алекс снова увеличил изображение и сменил светотени. И он смог увидеть, что разыгрывалось в самом фургоне. Чья-то рука на полу, тоже в крови. Кажется, женская. Так и есть, тонкие пальцы, обручальное кольцо. Лица не видно, чья-то нога наступает на кисть руки лежащей женщины. Ага, вот появляется еще кто-то. Отморозок в кожаной куртке с бритым черепом наваливается на пытающегося спастись человека. Черт!

Словно замороженный, Алекс следил за тем, как бугай навалился со спины на человека в дорогом костюме, локоть амбала обхватил шею, затем поворот... Алексу показалось, что он слышит треск ломающихся позвонков. Тело жертвы обмякло, отморозок, убив человека, исчез в фургоне, туда же через секунду втянули и мертвеца.

Почесав под мышкой, Алекс отправился на кухню. На холодильнике валялись кружевные женские трусики. Эта дура оставила ему их в подарок. Он рванул на себя дверь холодильника, внимательно изучил его недра. Только две банки пива, как так можно жить!

Он вернулся к компьютеру, прокрутил сцену убийства заново. В общей сложности он видел ее двадцать раз. Ну и что теперь? У него есть доказательства того, что какой-то урод с внешностью мафиози убивает богатого хмыря, а в фургоне, похоже, лежит еще один труп, женский. И что из этого?

Алекс увеличил лица жертвы и убийцы. Хрен с ними, он забудет о том, что случайно заснял на камеру.

Удовлетворенный собственным благоразумием, Алекс завалился на диван и включил телевизор. Сегодня он решил отдохнуть от всего, в том числе и от женщин. Выпить пива в одиночестве – что может быть лучше.

Шли новости, сообщили о последних происшествиях в Лос-Анджелесе.

– Сегодня рано утром в районе порта из океана были выловлены два трупа – мужской и женский. По сообщениям полиции, их идентифицировали как Кевина и Нэнси Корриган, бесследно исчезнувших 11 марта. Смерть в обоих случаях наступила в результате перелома основания черепа. Кевин Корриган в течение многих лет был бухгалтером мафиозных группировок, и эти две смерти, скорее всего, самым тесным образом связаны...

Камера беспристрастно показывала мертвые тела. Они уже несколько изменили очертания, все-таки почти две недели в воде не пошли им на пользу. Зрители, как считали телевизионщики, были прямо в восторге от подобных сцен. Несмотря на распухшие позеленевшие лица, вздутую кожу и изрядно объединенные рыбами лица, Алекс сразу узнал Кевина Корригана – это был тот самый мужик, чью смерть он случайно снял на камеру.

– Хм, – произнес Алекс, осушив банку пива до конца. – Упокойся с миром, Кевин. На мафию, говорят, работал. Наверное, что-то не поделил с боссами или пытался мухлевать. Работодатели такое не любят. В обычных фирмах за это увольняют, а в мафии ломают шею. Ого, неплохо, – заметил Алекс, увидев на запястье мертвого бухгалтера платиновый «Ролекс». – Хорошо жил, Кевин, и умер хорошо.

Алекс отправился за последней банкой пива на кухню, а когда вернулся, то уже шли новости о последнем сенсационном процессе. Арестовали главу герцословацкой мафии на Западном побережье, и теперь все гадали, что же за этим последует.

– Чертовы герцословаки, – произнес Алекс, открывая банку. Он так и знал, пиво, зашипев, вылилось ему на джинсы. Похоже, стирки не избежать, это последние джинсы, в ванной уже скопилось куча вонючего белья, которую срочно требовалось постирать.

– Сергей Китаевич, более известный в криминальном мире как Китаец, обвиняется по более чем пятнадцати пунктам, – вещала симпатичная ведущая. Алекс не отказался бы познакомиться с такой. Раньше, когда он был на гребне славы, такая милашка сама бы прыгнула к нему в койку, а теперь... Теперь ему сорок два, в бумажнике девятнадцать долларов и сорок два цента, в холодильнике кусок засохшей пиццы и банка колы. – Как заявил помощник прокурора Стив Ларкин, Китаевич выйдет из здания суда в наручниках и отправится оттуда напрямую в камеру смертников.

Мелькнуло довольное лицо молодого помощника прокурора, который уверенно и с апломбом вещал о предстоящем торжестве американской системы правосудия над герцословацкой мафией.

Алекс был согласен с ним: житья не стало от всех этих албанцев, мексиканцев, китайцев, герцословаков, которые в последние годы заполонили Лос-Анджелес. Если дело пойдет так и далее, то, по расчетам демографов, через тридцать лет в Калифорнии англосаксов будет не больше десяти процентов от всего населения штата.

Алекс прильнул к экрану телевизора. Стив Ларкин, ему едва ли больше двадцати семи, а он уже помощник окружного прокурора. Наверное, из богатой еврейской семьи, учился в Принстоне, был лучшим на курсе, чемпион игры в поло. Алекс ненавидел таких – удачливых, уверенных в себе, нахрапистых. Нынешний муженек его Линды, Билл, такой же.

Внезапно Алекс чуть не поперхнулся. Он узнал Сергея Китаевича, которого показывали выходящим из здания тюрьмы в окружении десятка вооруженных полицейских. Мафиози везли в суд на первое слушание.

Это был он. Тот самый отморозок, который прикончил бухгалтера Кевина «Как-его-там», чей труп сегодня выудили из океана. И жену его он тоже наверняка отправил на тот свет.

Ошибки быть не могло! Алекс специально нашел новости на другом канале, там еще раз показали самоуверенное улыбающееся лицо герцословака с чуть раскосыми зелеными глазами. Тот же бритый череп...

Вой сирены ворвался через открытое окно в квартиру Алекса. Он сидел на продавленном диване и думал. Затем изо всей силы отшвырнул жестянку с пивом в угол. Он принял решение.

– Сергей Китаевич убил Кевина Корригана, – сказал он сам себе. – И у меня есть видеозапись этого преступления. Что же, кажется, пришла моя пора. Мой миллион ждет меня!

25 марта, Лос-Анджелес

Томаш Хенрылка победоносно посмотрел на сопровождающих его полицейских. Кто бы мог еще месяц назад подумать, что он, обыкновенная «шестерка», будет столь ценен для американской Фемиды. А теперь он главный свидетель обвинения в деле против Сергея Китаевича, то есть всемогущего Китайца.

– Эй, я просил пиццу с ветчиной, а это что? – сказал он, отшвыривая коробку. – Что это, я спрашиваю вас? Какого лысого хрена вы заказали мне оливки и грибы? Давайте, ребята, ваша задача – ублажать меня, чтобы я соизволил потопить Китайца. То есть не будь меня, вы бы все оказались безработными.

– Чертов серб, – прошептал один из полицейских, вынося из комнаты Хенрылки пиццу. – С каких это пор мы стали у преступников на побегушках?

– Да не серб он, а герцословак. Мы не только у таких, как он, в лакеях ходим, им начали платить миллионы за показания и предоставлять уголовный иммунитет, – отозвался другой, лениво перекатывая во рту жвачку. – Торжество правосудия называется! Давай, Джон, придется тебе снова платить за пиццу этому уроду.

Хенрылку охраняла вся полиция Америки, и это не было преувеличением. Когда прокуратура узнала, что один из подручных Китайца желает выступить в качестве свидетеля обвинения, было принято решение принять все условия, которые выдвинет Томаш Хенрылка. Сошлись на ста тысячах долларов, хотя тот требовал в пять раз больше, новых документах и, главное, полном прощении всех прежних грехов. Только на таких условиях Томаш Хенрылка согласился принимать участие в процессе в качестве главного свидетеля обвинения.

Через несколько часов под усиленной охраной его эскортировали к небольшому частному аэродрому. В течение месяца, пока Хенрылка был под защитой федеральных сил, его перевозили с места на место, чтобы наемные убийцы не могли лишиться жизни одного из самых ценных свидетелей за всю историю американского судопроизводства.

Наконец настала среда, 25 марта – день, когда Хенрылка должен был давать предварительные показания. Это означало, что его надлежит доставить в Лос-Анджелес, где и проходил процесс года.

– Осторожнее! – суетился сам Хенрылка, когда его вели к машине.

Больше всего он опасался мести Китайца. Он прекрасно понимал, что теперь на него открыт сезон охоты.

В течение тридцати двух дней было совершено пять попыток ликвидировать слишком говорливого мафиози. Ни одна из них не увенчалась успехом, однако это не означало, что можно расслабиться и потерять бдительность. Предстоял самый важный участок пути – полет на зафрахтованном самолете до Лос-Анджелеса. Последний опорный пункт, на котором юстиция укрывала Хенрылку, находился в пятистах километрах от Лос-Анджелеса, в небольшом провинциальном городке, на ранчо, купленном ФБР, что служило своего рода конспиративным убежищем для ценных свидетелей.

– Все чисто! – прокричал один из полицейских. Территория аэропорта была тщательно проверена, проезд для обычных клиентов в этот день был закрыт.

Хенрылка наблюдал за приготовлениями полиции сквозь затемненное и бронированное стекло джипа. Что же, американцы умеют работать. Сегодня будет тяжелый день, нужно первый раз предстать перед судом и дать предварительные показания. Потом, как уверял прокурор, он появится в суде только не раньше мая, когда процесс войдет в решающую стадию. Еще пара часов мучений, косые взгляды, хитрые, но бесполезные вопросы адвокатов Китайца – и он на свободе.

– Выводите, – по радиации передал один из полицейских. По периметру аэродром был оцеплен людьми в камуфляже и с автоматами наперевес.

В полусогнутом состоянии Хенрылка промаршировал к небольшому спортивному самолету, двигатели которого уже ревели.

– Пристегните ремни, – обратился к Хенрылке один из полицейских. Тот видел, что охрана презирает и ненавидит его, они бы не очень печалились, если бы киллеры все-таки выполнили свою задачу. Однако им приказано защищать, даже ценой собственной жизни, важного свидетеля, и они были готовы умереть ради него. Хенрылке это нравилось.

Хенрылка, как законопослушный гражданин (теперь он должен стать таким, после того как все закончится, он удерет куда-нибудь в Европу и заделается обыкновенным буржуа), пристегнул ремни. Раздалось легкое жужжание, самолет начал разбег, затем, чуть качнувшись, оторвался от земли и взмыл в воздух. Все шло по плану.

– Ну что, ребята, – произнес Хенрылка, обращаясь к полицейским. – Шампанское у вас есть? Мне нужно только французское!

Хлопнула пробка, Хенрылка залпом осушил бокал. Теперь все позади, он практически на свободе.

– Через час мы сядем в Лос-Анджелесе, – сообщил пилот по внутренней радиации.

Марта зашла в супермаркет и с восторгом уставилась на все то изобилие, которое лежало в прозрачных и цветных вакуумных упаковках на полках и в коробках. Когда у нее были неприятности или она переживала стресс, Марта не могла придумать ничего лучше, как отправиться в магазин, купить что-нибудь вкусное и, усевшись перед телевизором, устроить себе пиршество.

Сегодня ей предстояло выполнить задание чрезвычайной важности, как сказал Эдуард Теодорович. Впрочем, если ориентироваться на его слова, то каждое из заданий, которое ей приходилось выполнять за эти годы, было важное и эксклюзивное.

Она набрала сладостей, хотя прекрасно знала, что они ей противопоказаны, и вернулась к автомобилю. Три сдобных кекса, крекеры, любимые шоколадные конфеты с мягкой белой начинкой. И, чтобы запить все это, четыре банки пепси. Наверное, тысячи четыре или пять калорий, а диетолог сказал ей, что она должна сократить свой рацион до двух тысяч, причем потреблять только зелень, молоко и обезжиренное мясо. Тогда она сможет хотя бы немного приблизиться к своему идеалу – Марта со вздохом посмотрела на рекламный щит, где была изображена красотка с классическими пропорциями.

Куда ей до этого! Она обреченно взглянула на себя в зеркальную витрину. Вес не менее ста шестидесяти килограммов, дряблые руки, полосатые шорты, обтягивающие огромный зад, светлая майка, которая под мышками вся пропиталась потом, идиотская оранжевая бейсболка и темные очки в пол-лица.

Марта отправилась к военному аэропорту. Неприметная машина, таких на улицах Лос-Анджелеса тысячи. Номерной знак, разумеется, фальшивый, как и документы. Но это не поможет: она сама как луна в ночи, запомнить и описать ее внешность ничего не стоит. Однако именно это – огромный отвислый живот, груди, похожие на боксерские груши, выбивающиеся из-под бейсболки жирные волосы делали ее незаметной для потенциальных свидетелей. И кто бы мог подумать, что Марта, гром-баба весом в полтора центнера, была одним из лучших кадров Отдела Эдуарда Теодоровича.

Отдел специализировался на заказных убийствах, причем он почти всегда брался за самые безнадежные дела. Предстоял именно такой случай. Марта отправила в рот последние крошки крекеров, осушила банку пепси. Она была недалеко от аэродрома. Самолет с Хенрылкой еще не вылетел, так что ждать осталось не меньше полутора часов. Но это и хорошо, она может сконцентрироваться.

Марта сняла очки и близоруко прищурилась. Огонь – вот что есть сила. Она прекрасно это знала, знала уже долгие тридцать пять лет. Последние восемнадцать лет она знала это слишком хорошо. С тех пор, как попала в Отдел глупой девчонкой...

Она чувствовала, что голова начинает раскалываться. Так всегда. Ей нужно сконцентрироваться. Еще несколько минут... Перед глазами возникли красные и черные круги, Марта ощущала, что в пальцах начинает покалывать. Значит, все в порядке.

Тридцать пять лет назад Эдуард Теодорович начал собирать всех, кто обладает способностями, собирать, чтобы использовать их в своих грязных целях. Но он прав – в итоге за всем стоят деньги. Если бы не Эдуард Теодорович, она бы так и жила в своем городишке, ее бы третировали, унижали, возможно, убили бы.

Машина находилась за поворотом. Внезапно появился полицейский, подошел к автомобилю, стоявшему на обочине. Конечно, этого мафиози охраняют, к аэропорту никого и близко не подпускают. Но чтобы убить, ей и не нужно быть рядом.

– Мэм, ваши документы!

Тяжелый взгляд, полный жалости к ней. Еще бы, такая неуклюжая, вспотевшая, растрепанная, с крошками крекеров на сиденье и пятнами пепси на майке.

Она молча протянула ему документы.

– Вам лучше уехать, мэм, здесь проводятся учения.

Полицейский с выражением жалости и брезгливости протянул Марте заляпанные соусом документы.

– Конечно, уеду, – огрызнулась она, задыхаясь. – Но вы что, не видите, мне плохо! Я остановилась, чтобы принять таблетки. У меня больное сердце!

– Разумеется, мэм. Вам требуется помощь?

– Оставьте меня в покое! – завизжала Марта. – Я что, не имею права остановиться на обочине?

Полицейский едва не выругался. Кому-то очень крупно не повезло, если он живет и, главное, спит с этой бабищей. Взгляд полицейского стал презрительным. Марта знала: когда начнется расследование, он не доложит о ней, ее образ окажется вытесненным из его памяти, потому что он и предположить не сможет, что убийца – эта толстуха в старом «Паккарде».

Полицейский отошел. Оставил ее в покое, так было сотни раз. Все думают, что убийцы стройны, подвижны и симпатичны. Она жирна, неповоротлива и страшна. Но это не мешает ей убивать. За все долгие восемнадцать лет не было ни одной осечки. Не будет и сейчас.

Вскоре на горизонте показалась точка. Самолет. Тот самолет, который ей нужен. Теперь самое главное – концентрация.

Спустя три минуты шасси коснулось бетона взлетно-посадочной полосы. Марта, вцепившись побелевшими толстыми руками в руль, неотрывно следила за самолетом. Он бежит навстречу смерти. Забавно.

Еще мгновение. Головная боль усилилась, перед глазами возникла знакомая кровавая пелена. Все, начинается... Ее стало трясти, пот катил градом.

– Все системы в полном порядке, – произнес пилот. – Никаких происшествий...

Огонь возник неожиданно и повсеместно. Стоящие на летном поле могли видеть, как неожиданно, словно из другого измерения, взметнулся язык пламени, который поглотил весь корпус самолета. Хенрылка дико заорал, когда неожиданно в салоне вспыхнули обивка и ремни безопасности.

Последовал взрыв. Остов самолета по инерции все еще катился вперед, но от самого салона уже ничего не осталось. Взрыв был огромной мощности, он разнес весь корпус. Томаш Хенрылка, главный свидетель обвинения в процессе против Китайца, скончался мгновенно.

Марта удовлетворенно вздохнула. Головную боль как рукой сняло. Все было позади. Она вскрыла упаковку конфет и, зачерпнув их горстью, запихнула в рот. Шоколад расплавился, но ей ужасно хотелось есть. Как всегда после явления дара.

Развернув «Паккард», она отправилась в Лос-Анджелес. Теперь ей нужно подкрепиться, причем серьезно. Парочка бифштексов с кровью, несколько порций жареной картошки и много-много ванильного, бананового и ежевичного мороженого. Потом душ – и спать.

Эдуард Теодорович сам позвонит и скажет, когда следующее задание. Марта доела конфеты и открыла банку пепси. Так-то лучше.

27 марта, Лос-Анджелес

– Миллион долларов? – Голос заместителя окружного прокурора Стивена Ларкина сорвался на крик. – Вы хотите за это миллион долларов?

– А что, вы готовы заплатить целых два? – усмехнулся Алекс, развалившись в кресле. – Я не откажусь!

Они находились в одном из самых дорогих и фешенебельных отелей Лос-Анджелеса – «Корона-Плаза». Огромный стеклянный небоскреб, выстроенный в форме стрелы. Сорок девятый этаж, номер люкс.

Алекс жалел, что не потребовал устроить встречу в пентхаусе, но он еще наверстает упущенное.

– Я слышал, мистер Ларкин, дела у вас идут не самым блестящим образом, – произнес Алекс. – Позавчера в самолете взорвался ваш главный свидетель обвинения. Теперь вам нечем крыть – Китайца придется выпустить. Вы же не рискнете начать заведомо проигрышный процесс, который сделает Китайца невинной жертвой американского правосудия. А вам этого так не хочется! Кто еще сможет дать вам обвинительный материал? Только я!

– Вы правы, мистер Уорф, – ответил Ларкин. – Дела у нас идут не блестяще. Но это не означает, что американское правосудие готово выложить вам целый миллион...

– Еще как готово, – с цинизмом ответил Алекс. – Вы видели то, что мне удалось случайно заснять. Китаец убивает бухгалтера мафии. Собственными руками. Никаких сомнений в подлинности записи. Причем ценность ее в том, что сделал ее я, простой гражданин США, а не ваши агенты. Если бы они и были свидетелями того, как Китаец отправляет на свет этого уродца, то их показания бы были не дороже вашей, уважаемый сэр, задницы. У них нет разрешения на ведение слежки и тайную съемку. Я же снимал не этого балканского головореза, а свою дочурку, а его злодеяния попали в кадр совершенно случайно. Я имею право передать это в суд в качестве улики. У меня два диска! Если хотите получить один из них – решайтесь!

Заместитель прокурора размышлял. Этот Уорф не блефовал. После таинственной гибели Хенрылки в штабе обвинения царило нечто, близкое к истерической панике. Казалось, что теперь Китайца отпустят или, что хуже, оправдают. И вот возник этот небритый фотограф со своей записью. С такой уликой можно запросто потребовать смертной казни для Китаевича. Но Уорф хочет миллионов долларов. Миллион!

– Советую вам думать как можно быстрее, – сказал Алекс, подходя к ноутбуку.

Он вытащил серебристый компакт-диск, на котором и содержался короткий фильм со сценой того, как Китаец убивает бухгалтера мафии.

– У нас нет таких денег, – сделал попытку сбить цену Ларкин. Прокурор, узнав о таком повороте событий, сказал, что нужно пытаться заплатить как можно меньше. Но заплатить.

– Есть, – ответил Алекс, поигрывая диском. – Этому Хенрылке вы заплатили сто тысяч, но он давал устные показания. Еще вопрос, поверили бы ему присяжные и не сделал бы адвокат Китайца из него отбивную во время перекрестного допроса. Мою же запись нельзя никак опровергнуть. Она – смертный приговор Китаевичу.

– Семьсот пятьдесят, – сказал заместитель прокурора.

– Миллион двести, – парировал Алекс. – Двести тысяч за ваше скопидомство. За все нужно платить, Стив.

Алекс знал, что получит деньги.

– Ты думай, а мне надо отлить, – сказал фотограф, удаляясь в туалет. – А диски я прихватчу с собой, а то вам, прокурорам, доверять нельзя!

Даже сортир в номере люкс был по площади не меньше его квартиры, сплошная бронза, сталь и зеленоватый мрамор.

Заместитель прокурора Ларкин был готов сказать «да». Это будет его звездным часом. На этом процессе, отправив Китайца в камеру смертников, он сделает себе имя и, возможно, через несколько лет займет место босса. А еще лучше, если его позовут в Вашингтон, и он ни за что не откажется от столь лестного предложения.

Легкий стук в дверь прервал честолюбивые размышления заместителя окружного прокурора. Стивен Ларкин подошел и открыл. Улыбающийся молодой официант в безупречной униформе.

– Ваш заказ, сэр, – произнес он.

Легкое движение – в его руке сверкнул пистолет. Затем раздалось три приглушенных хлопка. Тело заместителя прокурора с тремя пулевыми отверстиями в районе сердца грохнулось на ковер.

– Где второй? – спросил еще один в форме официанта, проходя в номер.

Алекс закрыл кран и посмотрел на себя в зеркало. Пиво с марихуаной не идут на пользу, но ничего... С миллионом можно все исправить. В этот момент он услышал голоса. Действовал он мгновенно. Мысли промелькнули в голове, как молнии. Люди Китайца засекли его!

Ручка ванной комнаты плавно пошла вниз. Закрыто. Затем дверь прошили выстрелы. Алекс едва увернулся. Черт возьми, он только в страшном сне мог представить, что мафия будет охотиться за ним. Дверь трещала, через несколько секунд ее снесут с петель – и потом смерть.

Недолго думая, Алекс распахнул окно. Слава богу, что на сорок девятом этаже в ваннных комнатах были большие окна.

Он шагнул на выступ. Оставаться в ванной было равносильно самоубийству. Идти по карнизу небоскреба вообще-то тоже. Но так хотя бы есть шанс. Его пальцы судорожно вцепились в ручку окна. До него долетали шумы ночного Лос-Анджелеса, гудки автомобилей, музыка, крики. Алекс сделал первый шаг. Карниз был достаточно широким, но одно дело идти по узкой дорожке на земле, а другое – перемещаться, обхватив руками гладкую стену небоскреба, на высоте ста с лишним метров. Алексу казалось, что прошла целая вечность, прежде чем он достиг окна соседнего номера.

Алекс почувствовал, что его начинает бить дрожь. В ногах и руках была ужасная усталость, словно он бежал многие часы без передыху. Он передвигался по стене, спиной прижавшись к небоскребу. Черт! Его нога скользнула. Он наступил на что-то засохшее. Скорее всего, птичье дерьмо.

Он попытался присесть, но понял, что может сорваться. Так больше нельзя, сейчас у него начнется истерика. Алекс нащупал окно. Это ванная комната его соседей. Закрыта, придется выбивать стекло.

– Он вылез наружу, – услышал Алекс далекие голоса убийц. Скорее же! Пяткой он разбил стекло и спиной повалился вовнутрь. Осколками он порезал лицо и руку, но это ерунда.

У него нет времени. Алекс бросился из ванной. В номере слышался гул пылесоса. Осторожно выглянув, Алекс увидел симпатичную мулатку в униформе горничной. Стоя к нему спиной, она пылесосила ковер, ритмично покачивая бедрами в такт музыке – на ней были наушники. Раньше Алекс наверняка попытался бы познакомиться с такой цыпой, но теперь ему было не до этого. Она не видела и не слышала его, хозяев в номере не было.

Он подошел к ней сзади и зажал рот ладонью. Горничная попыталась завопить, начала брыкаться. Алекс сдавил ей шею, она обмякла. Ничего, пусть побудет без сознания. Он опустил ее на диван.

Алекс общарил горничную. Вот это сиськи, огромные, как у всех негритосок, и она не носит лифчик! Но сейчас не до этого. Он обнаружил в кармане передника пластиковую карточку. Насколько он знал, у горничных имелся универсальный ключ, который позволял открывать все номера. Он сам однажды соблазнил такую милашку и спер у нее карточку, чтобы про-

браться в номер рок-звезды и сделать серию разоблачительных снимков певца в бассейне с несколькими девицами по вызову.

Фотограф выскользнул в общий коридор и ринулся к лестнице. Сбив с ног какую-то старуху в мехах, он бросился вниз. Когда он был уже тремя этажами ниже, то услышал звуки погони. Его преследовали.

Алекс рванул дверь и снова оказался на одном из этажей. Разряженная публика – стервы с холеными, вылепленными пластическими хирургами лицами, мужчины в безупречных смокингах. Он бросился по коридору, слыша, как за ним несутся убийцы.

Уорф вставил электронный ключ в прорезь первого попавшегося номера, сверкнул зеленый огонек – путь был свободен.

Его обступила полутьма. В номере горели бра, но людей не было. Несколько дорогих чемоданов, разбросанная одежда. Алекс прильнул к «глазку» двери. Ага, вот они! Двое в форме официантов растерянно стояли в коридоре, оглядываясь по сторонам. Никак не могут понять, куда же делась их потенциальная жертва.

Алекс тихо прошел в глубь номера. Масса безделушек, шикарные платья. Конечно, в «Корона-Плаза» не останавливаются работающие на автозаправке. Он взял одну из визиток, лежавшую на столе вперемежку со столларовыми банкнотами и жемчужным ожерельем. Черт, здесь живет герцословак! Ему везет на этих бывших коммунистов, сначала Китаец, а теперь некий Марк, Марк, а фамилия... Хрен прочтешь. Михасевич. Кинорежиссер. Ну точно, сегодня в Лос-Анджелесе торжественное мероприятие – вручение «Оскара». Вот и понаехали со всего мира Михасевичи. Похоже, он тут не один, а с бабой. Тряпки от лучших кутюрье, драгоценности.

Алекс прошел в спальню. Так и есть, на ночном столике он заметил массивную шкатулку с множеством ящичков – наверное, подруга этого Марка хранит тут свои побрякушки. Он выдвинул верхний ящичек. Ого! Герцословаки точно небедные, а еще жалуются на то, что у них в стране жрать нечего, и кредиты постоянно просят. А на самом деле сплошная мафия.

Он пошарил и выудил бриллиантовую нить. Тянет тысяч на десять. А это колечко с рубином – раза в три дороже. Сапфировая брошь. Да тут целый мобильный ювелирный магазин!

Спустя час Алекс решил, что пора уходить. Горничная уже наверняка пришла в себя и подняла тревогу, а убийцы ретировались. Да и труп Ларкина нашли. Что же, первый блин комом, теперь он будет осторожнее, но два миллиона получит. Два – за пережитый стресс и волнения. Или даже три. Заплатят, куда денутся, переведут на его счет в Бертроне. Уорф осторожно посмотрел в дверной «глазок». Никого. Кроме того, могут неожиданно припереться эти герцословаки, тогда шуму не оберешься.

Кажется, он все предусмотрел. Да, так и есть... Алекс вышел из номера с уверенным видом. Лицо, правда, в царапинах, да и рука тоже, но это не страшно. Алекс подошел к лифту. Нет, с сорок шестого этажа он не пойдет пешком, хватит с него на сегодня приключений. Теперь бы пива и хороший порнофильмец.

Фотограф остановился около лифта. Богато одетые постояльцы с подозрением уставились на него.

– Мадам, у меня сегодня критический день, – сказал он вылупившейся на него тетке в блестящем серебристом платье с квадратными изумрудами вокруг тройного подбородка. – А у вас?

Та, презрительно поджав губы, отвернулась.

В кабине лифта было еще несколько человек. Алекс стал около пожилого негра, сосавшего незажженную сигару.

Лифт стремительно неся вниз. Никто не увидел, как пожилой негр вынул ловким движением из кармана смокинга нож. Алекс не почувствовал, как лезвие вошло ему в сердце. Он умер мгновенно.

– Боже, кажется, ему плохо! – воскликнул старик-адмирал в парадной форме, когда Алекс грузно опустился на пол лифта.

Двери раскрылись, они были в холле гостиницы.

– Похоже, он перепил, – сообщила дама с изумрудами другим пассажирам. Те брезгливо пошли прочь.

Негр спокойно вышел из кабины, не привлекая внимания. К Алексу приблизился один из людей Китайца, одетый в униформу сотрудника «Корона-Плаза».

– Мистер, вам плохо? – Он склонился над трупом Алекса, хотя видел, что тот мертв.

Негр отлично знает свое дело. Незаметно униформист обшарил карманы фотографа. Вот и компакт-диск. Но только один, а у Уорфа их было два. Где же другой? Это плохо. Очень плохо. Китаец будет в ярости.

– Что такое! – воскликнул настоящий менеджер отеля, появляясь в кабине лифта, вокруг которой столпились постояльцы. Он увидел небрежно одетого мужчину, лежащего в неестественной позе.

Пожилый негр, только что зарезавший Алекса Уорфа, был уже около центрального входа, двери на фотоэлементах распахнулись еще до того, как он приблизился к ним. Он вынул из кармана белоснежный платок, завернул в него окровавленный нож и бросил в изящную урну, выполненную в форме древнегреческой амфоры.

Орудие убийства найдут где-то через два часа. Отпечатков на ноже нет – его руки были предусмотрительно обтянуты тонкими кожаными перчатками. Затем убийца шагнул к ждавшему его огромному лимузину.

– Кровь! – произнес кто-то из толпы около раскрытого лифта. – У него вся спина в крови! Боже, это убийство! Убийство в «Корона-Плаза»!

Менеджер был раздосадован. И кому только пришла в голову мысль совершить убийство в их отеле. Придется ставить в известность полицию. Это означает шумиху, скандалы, сплетни. Дирекция будет крайне недовольна. Да и гости не любят, когда в отелях убивают.

– В категории «Лучший зарубежный фильм года» номинируются... – Пэрис Хилтон глотнула воздух, одновременно одарив собравшихся в зале очаровательной белозубой улыбкой.

Шла церемония вручения наград американской киноакадемии под скромным и непритязательным названием «Оскар». Сливки мирового общества собрались вместе, дабы стать свидетелями исполнения честолюбивых мечтаний – или их краха.

Наступала финальная, самая напряженная часть. Иностранный фильм, конечно, – это престижно и интересно, однако многие из собравшихся откровенно зевали. Кому нужны эти иностранцы – европейцы, азиаты, африканцы со своими фильмами. Нет, кино у них слишком затянутое, полно какой-то странной психологии, поступки неадекватные, да и «экшн» не хватает.

– Криштоф Занусси, Польша. «Смерть как состояние жизни, доступное абсолютно всем», – оглашала тем временем наследница миллионов список претендентов.

Побежали черно-белые кадры скучного фильма про Польшу тридцатых годов. Бр-р, три с половиной часа психологической мути. И ни капли секса! И как такое можно смотреть?

– Ларс фон Трир, Дания. «Молчащий в темноте».

Датское кино – это что-то новенькое. По мотивам сказок Андерсена, что ли?

– Педро, – тут Пэрис запнулась перед явно незнакомой ей фамилией культового режиссера современности. Затем, опять мило улыбнувшись (менеджер всегда наставлял ее: не знаешь что делать – улыбайся), все-таки прочла заковыристую фамилию: Альмадовер, Испания. «Одна только ложь о моей сестре».

Ага, тут хоть действие есть – похоже, две лесбиянки ведут серьезный разговор о том, стоит ли спать с мужчинами, чтобы сравнить ощущения. Но Америка теперь жутко консервативна, эти извращения ни к чему!

– Марк Михасевич, – выпалила Пэрис, сверкнув крупным бриллиантом на указательном пальце левой руки. – Герцосо... словения... сорри... Чехо... ммм... словакия... «Дневник императрицы».

– Марк, я чувствую, ты получишь «Оскара», – тихо произнесла Юлиана Понятовская, супруга Михасевича, которая находилась рядом с ним в зале.

Марк Михасевич насупился, жена сжала его руку. Фильм повествовал о тяжелом кресте герцословацких монархов – престарелая императрица, находясь на закате дней своих в замшелом европейском городишке, вдали от революционной Герцословакии, грезит о своей юности, перелистывая пожелтевшие страницы дневника. Вот она со своим мужем, предпоследним герцословацким королем (его играет, разумеется, сам Михасевич), кружится в вальсе. Вот пышная сцена коронации. Вот король умирает, и на трон восходит его слабовольный сын...

Бюджет картины был для Герцословакии потрясающим – почти шестьдесят миллионов долларов, шикарные интерьеры, умопомрачительные наряды. На родине, несмотря на рекламную кампанию и призывы режиссера Михасевича вспомнить былую славу и поднять знамя герцословацкой державности и величия, народ был не в восторге от ленты, однако сам Марк в многочисленных интервью уверял, что герцословаки истосковались по настоящему кино, снятому суперпрофессионально (имелся в виду, разумеется, его «Дневник императрицы»).

– Не волнуйся, – Понятовская, осмотревшись по сторонам, одернула мужа. На фоне голливудских звезд она смотрелась весьма и весьма. Ее страсть к драгоценностям и нарядам от лучших кутюрье давно стала притчей во языцех.

– Нгуан Ньер, Бангладеш. «Крокодил», – Пэрис с облегчением назвала последнего претендента.

Никто не знал этого азиата, ему не было еще и двадцати пяти. И, конечно же, никаких шансов на победу.

– Знаете, я очень волнуюсь, – заявила белокурая красавица, не в состоянии произнести ничего более свежего и остроумного. Зал покотился со смеху.

Она с трудом разорвала конверт с заветным именем обладателя «Оскара», посмотрела на листок бумаги с единственной строчкой.

– Победителем в этой категории стал... – девочка явно нагнетала атмосферу. Так потребовал менеджер – ее выступление должны запомнить, лишнее паблисити никогда не помешает, особенно если на тебя смотрят миллионы... – Стал...

Лица претендентов появились на большом экране. Внешне спокойные, все они на самом деле переживали и молились каждый своему богу, прося только об одном.

– Нгуан Ньер, «Крокодил»! – завершила звезда.

Марк Михасевич с окостеневшей гримасой смотрел перед собой, зная, что за каждым мускулом на его лице наблюдают недруги и враги. Его обошел какой-то мальчишка, чей первый же фильм отхватил «Оскара»! И как такое может быть?

Хваткий бангладешец, не веря в свалившееся на него счастье, в прострации еще сидел в кресле.

– Это несправедливо, – со слезами на глазах сказала Понятовская, когда с экрана исчезла физиономия ее мужа. Она так надеялась, что именно Марк поднимется за статуэткой, ради этого она тщательно подобрала наряд. Все было ясно: жюри решило не сталкивать лбами лучших режиссеров мира, отдав предпочтение занюханному дилетанту, снявшему полупрофессиональный фильм об ужасной жизни в нищей бангладешской деревеньке и охоте на крокодила-людоеда.

– Мы еще победим, Марк, – произнесла Понятовская.

Церемония по накатанному сценарию шла дальше.

Михасевич окаменел, было видно, что его самолюбию нанесена смертельная рана. Еще бы, он так давно стремился стать вровень с сильными мира сего и получить свой «Оскар», ради этого, собственно, он и затеял съемку эпопеи, которая так бесславно была отвергнута американской киноакадемией.

– Я с тобой, – сказала Юлиана, чмокнув мужа в щеку.

– Придурки, – прошипел режиссер и добавил несколько непечатных герцословацких слов. – Какие же эти американцы придурки! Они что, не поняли всей гениальности моей картины!

– Марк, прошу тебя, не так громко, на нас смотрят, – с елеинной улыбкой на устах процедила Понятовская и тяжело вздохнула.

Значит, их поездка в Лос-Анджелес была напрасной. Марк не терпел поражений и крушения собственных планов. Ну ничего, он им всем еще покажет!

Ни он, ни она и не подозревали, что разыгралось час назад в отеле «Корона-Плаза», где они остановились в номере люкс на сорок шестом этаже.

9 апреля, Лос-Анджелес

– Я протестую! – воскликнул Дэни Сазерленд и плавно взмахнул рукой.

Этот его жест был известен почти всем судьям Америки. Сазерленд в течение последних двадцати лет был самым высокооплачиваемым адвокатом страны. Говорили, что иной раз его годовой доход зашкаливал за тридцать миллионов – помимо колоссальных гонораров, он получал процент с тех сумм, которые выбивал по искам умирающих от рака из табачных компаний или парализованных в результате автокатастрофы – из автомобильных монстров. Он не брезговал окунаться с головой в самые зловонные помои юриспруденции, для него не существовало кодекса чести, он мог ради денег и сомнительной популярности браться за защиту мафиози, маньяка, лживого политика и сумасшедшего тинейджера, устроившего в школе бойню при помощи «калашникова».

В этот раз Сазерленд опять был на волне успеха, защищая самого безжалостного представителя организованной преступности, герцословака Сергея Китаевича по кличке Китаец. О том, сколько получал адвокат и какие для этого использовались деньги, умалчивалось. Но раз за дело взялся Дэни Сазерленд, это автоматически означало проигрыш прокуратуры.

– Мистер Сазерленд и вы, мисс Хейли, подойдите ко мне, – произнес судья.

Защитник Китайца и новый заместитель окружного прокурора подошли к судье. Тот произнес:

– В чем дело, мисс Хейли? Почему вы требуете отложить слушание по делу мистера Китаевича?

– Ваша честь, – ответила Хейли, – вы же прекрасно знаете, что наш главный свидетель Томаш Хенрылка две недели назад был убит – самолет, доставлявший его в Лос-Анджелес, взорвался по неизвестным до сих пор причинам. Мой предшественник, мистер Ларкин, застрелен в отеле «Корона-Плаза», когда встречался со свидетелем, который должен был передать ему ценнейшие улики. Убит и сам свидетель, а улики так и не попали в наш офис. Учитывая это, обвинение просит отложить процесс – мы не готовы к нему, нам требуется собрать новый материал и...

– Мисс Хейли, – произнес, усмехнувшись, адвокат Сазерленд.

Черный глаз жемчужины в булавке галстука взирал на заместителя окружного прокурора вызывающе и с превосходством. Сазерленд был известен своим пристрастием к булавкам для галстука. Их у него было несколько сотен.

– Вас мама не учила в детстве, что если не сделаешь домашнее задание, то лучше не врать учителю? – Тон Сазерленда был не просто хамским, а покровительственно-хамским.

– Если ваш свидетель стал похож на пережаренный хот-дог по халатности пилота или головотяпства ФБР, то мой клиент в этом не виноват. Это ваши проблемы. Ваша честь, я нахожу требование обвинения не просто абсурдным, но и противоречащим правам мистера Китаевича. Что же, процесс так и будет откладываться, пока мисс Хейли не разрешит нам его продолжать? Почему бы окружному прокурору сразу не признать: улики против моего клиента попросту нет, и никакие отсрочки не смогут помочь вам избежать грандиозного фиаско.

– Ценю вашу афористичность, мистер Сазерленд, – сказал без тени улыбки судья. – Но прошу не навязывать мне свою точку зрения.

– Ваша честь, вспомните дело Джонсона, – подсказала заместитель прокурора Хейли. – В том случае суд учел пожелание обвинения и отложил процесс для нового сбора доказательств. В итоге убийца трех человек не избежал наказания и был казнен.

– Мисс Хейли, – плотоядно улыбнулся адвокат. – Вам, видимо, неизвестно дело Ле Торна. Конечно, оно рассматривалось Верховным судом, когда вы наряжали кукол и копались в песочнице. Суд отклонил требование обвинения, и был вынесен оправдательный вердикт. Мой кли-

ент не должен страдать из-за вашей нерасторопности. Если нет улик и свидетелей, то попрошу снять с него все обвинения.

– Ваш клиент – глава преступного синдиката, на его совести десятки убийств, торговля героином, сутенерство, – начала Хейли.

– Бездоказательно, – парировал всего одним словом Сазерленд.

За это ему и платили – совершить невозможное и вытащить человека из камеры смертников.

– Прекратите склоку, суд примет решение через час, а пока объявляется перерыв, – сказал судья и ударил молотком.

– Мистер Китаевич, они проиграли, у них нет ни единого свидетеля, сплошные косвенные улики, которые я разнесу в клочья за пару часов, – сказал Дэни Сазерленд, возвращаясь к Китайцу.

Тот ослабился. Эдуард сдержал свое слово. Хенрылка мертв. Теперь этот адвокат, запрошивший астрономическую сумму в пять миллионов, спасет его от смерти.

– Кажется, это провал, – вздохнула заместитель окружного прокурора Хейли, подходя к своим помощникам. – Если суд примет решение продолжать процесс, то Китаевича, без сомнения, оправдают. И он станет честным гражданином с незапятнанной репутацией. И продолжит свою мафиозную деятельность на вполне законных основаниях. Даже если нам дадут отсрочку... Квартира фотографа Уорфа сожжена дотла, при его трупе не обнаружено никаких дискет, кассет или фотографий. Что же делать?

Ровно через час процесс возобновился. Судья успел за это время хорошо перекусить и одновременно освежил в памяти дела, о которых говорили адвокат и заместитель прокурора.

– Согласно законам штата Калифорния, – огласил свое решение судья, – обвинение позволяет возможность провести новый сбор доказательств.

Хейли радостно вздохнула.

– Что он несет? – воскликнул достаточно громко Китаец.

Сазерленд велел ему:

– Заткнитесь и слушайте.

– Но, – судья сделал паузу и оглядел присутствующих. – Дело откладывается до 10 мая. Вне зависимости от того, сможет ли обвинение представить в месячный срок убедительные доказательства вины мистера Китаевича или нет, процесс будет возобновлен – на этот раз без всяких отсрочек. Суд откладывается до десяти часов утра десятого мая!

Удар молотка возвестил о том, что решение вступило в силу. Судья в черной мантии величественно удалился.

– Почему? Какого хрена? Что за отсрочка? – произнес Китаец. – Вы говорили мне, что...

– Я говорил вам, мистер Китаевич, что вытащу вас из камеры смертников, и я сделаю это, – ледяным тоном парировал Сазерленд.

Подошли полицейские, и Китайца повезли обратно в тюрьму.

14 апреля, Варжовцы

Он подъехал к дому. Девочка лежала в багажнике. Как и всех предыдущих, он похитил ее очень просто. Подошел в городском парке, когда уже начинало темнеть, разговорился. Несмотря на то что в городке царил легкая паника – все-таки пропало уже четыре девочки и найдено три трупа, – она легко пошла на контакт с ним. Он всегда умел найти с детьми общий язык. Он всегда знал, что взрослые слишком отягощены своими проблемами, чтобы думать о собственных детях.

Детям нужна ласка, но они уважают только силу. Вот и со всеми похищенными им девочками было так – сначала он узнавал о том, в каком они классе, обычно с первого по третий, еще глуповатые и доверчивые. Ему дети всегда доверяли, они не боялись его, он нашел к ним ключик. Особенно к маленьким девочкам.

Они так похожи на его дочь! Однако только похожи, его дочь умерла, когда была такой же юной, еще не успела вкусить жизни, не успела полюбить, не успела ничего понять. Ей было семь. Она перешла во второй класс. А бог отнял ее.

Бог? Разве бог есть? Только глупцы верят в него. Если бы бог существовал, то не убил бы его дочь. Если бы он был, то не позволил бы умереть трем другим. А сегодня он убьет четвертую.

Оказавшись в кирпичном гараже, он заглушил мотор. Варжовцы – маленький город, все рано или поздно выйдет наружу. Но когда люди боятся, они думают хуже, в голове у них образуется пелена, густая каша из собственных страхов, амбиций и предрассудков. В его распоряжении год или даже годы. Очень многие маньяки зверствовали лет по пятнадцать-двадцать, поймали их случайно. Полиция тупа до невообразимого!

Насиловать он не будет. Зачем? Он никогда бы не смог сделать что-то подобное с собственной дочерью, а девочки, которых он похищает, и есть его дочери. Значит, у них не может быть другой судьбы – они должны умереть. И умрут. Но не сразу.

Все это слишком тяжело. Он закрыл на мгновение глаза, потом снова пришел в себя. Нельзя иллюзиям дать увлечь себя. Это опасно. Он не сумасшедший. Он просто не понимает, почему его дочь должна была умереть.

Никто: ни лживая церковь, ни лживые психиатры, ни лживые врачи – не дал ему ответа на этот легкий вопрос. Почему? Лепетание о том, что в мире ином ее ждет рай. Чушь! Рая нет. Как и ада. Каждый в этой жизни может устроить себе рай или ад. Иногда и то и другое: по очереди. После смерти нет ничего, в этом-то и ужас. Существой после смерти хоть что-то, была бы надежда увидеть дочь – «на том свете», в параллельном измерении, в иной Вселенной...

А так шанса нет.

Дочь положили в гроб, похоронили в мокрой черной жирной земле (шел дождь, когда она умерла и когда ее хоронили, настоящий ливень: стоял октябрь), завалили яму, накидали цветов и венков из пластмассы. Она осталась одна, там, внизу. Нет никакой надежды. Смерть придет за любым. Его дочь лежала в гробу, от нее осталась только кучка лохмотьев и хрупкие детские косточки.

Подобная участь ждет каждого. Но почему ее? Почему в возрасте семи лет?

Он открыл багажник. Девочка спала. Лекарство действует безотказно. Когда она придет в себя, то будет уже в подземелье. А оттуда есть всего один выход – в смерть.

В подземелье нет бога. Там бог – это он сам. И он молвил: смерть. Да будет так!

Он закрыл изнутри ворота гаража. Никто не проникнет сюда, но предосторожность превыше всего. Затем опустил девочку на истертый трехцветный половичок. Сдвинул печку-«буржуйку», расчистил завал. И так каждый раз. Никто, попав в гараж, не должен и подумать, что внизу есть вырытая им самим пещера, его подземелье, где он бог.

Под печкой оказался неприметный люк. Он достал из кармана ключ, отомкнул врезанный замок. Отодвинул тяжелый тугой засов. Даже если девочка и сможет освободиться в подземелье, то наверх ей не выбраться. Назад пути нет. Нет пути для его дочери. Нет и для других.

В углу зияла черная дыра и была лестница, уходящая под землю. Он осторожно поднял девочку, погладил ее пушистые волосы. Начал спускаться. Оказавшись внизу, он при помощи нехитрого устройства закрыл люк. Включил свет.

Одинокие голые лампочки осветили кирпичные стены подземелья. Он строил его три с половиной года, тайно вывозил на машине землю, чтобы никто в городе не догадался, чем он занимается. Сам облицовывал, сам проектировал, сам ваял. Это его мир. И здесь он бог.

В подземном коридоре можно было стоять во весь рост. Он отнес девочку в одну из гостевых комнат, положил на диван. В подземелье было сыро и холодно, но скоро лето, тогда наступит благодать. В комнате много игрушек. Игрушки его дочери. Он навестит девочку позже, часа через два, когда разберется с другой.

Замкнув решетку, которая закрывала выход из гостевой, он закрыл толстую, обитую листовым железом дверь. Пусть спит.

Затем осторожно подошел к колодцу, который уходил в глубь земли. На самом дне, скрючившись, на корточках, сидела девочка лет шести – грязная, оборванная, заплаканная. Услышав шевеление наверху, она подняла голову, в глазах ее светились надежда, усталость и отчаяние.

– Дяденька, – тонким охрипшим голоском начала она, – пожалуйста, я хочу к маме и папе! Отпустите меня! Мне холодно!

И начала плакать.

Он не любил плакс. Его дочь даже на смертном одре, понимая какой-то частью сознания, что скоро умрет, не редела. А эти девчонки все без исключения ревут. Дурочки.

– Вылезай! – Он швырнул ей веревочную лестницу. Ручонки девочки ухватились за толстую пеньку, она, как обезьянка, стала неловко карабкаться наверх.

Он подхватил ее, девочка стала отбиваться, попыталась его укусить. Он ударил ее и пригрозил сбросить вниз. Девочка снова начала хныкать и проситься к родителям.

– Пошли, – сказал он и, взяв ее за руку, потащил за собой. Девочка упиралась, о чем-то догадываясь, но он был гораздо сильнее. Вначале была ласка. Теперь пришло время силы.

– Дядя, прошу вас, не делайте мне больно! – хныкала девочка, глотая слезы. Она была все в том же комбинезончике, в котором он похитил ее две недели назад.

– Обещаю, тебе не будет больно.

Они оказались в самом дальнем помещении его подземелья. Там он убивал их. В особой комнате. В спальне дочери. Он восстановил ее во всех мелочах, во всех деталях, перенес сюда все вещи, разобрал и спустил вниз кровать, шкаф, письменный стол, за которым она делала уроки.

Он знал, что все это – иллюзия. А он так не хотел быть в плену своих воспоминаний. Деревянная кровать от сырости взбухла, белье заплесневело, полировка стола пошла пузырями. Прошлое не вернуть. Но он его вернет. Он ведь бог!

Он втолкнул девочку в комнату, она начала кричать, биться, колотила его худыми ручонками, потом в изнеможении, упав на кирпичный пол, обхватила его ногу и стала плакать, умоляя не делать ей больно.

– Больно не будет, – повторил он и сдержал обещание.

Он положил легкую, как перышко, девочку на кровать. Сколько вечеров он сидел здесь, теша себя мыслью, что, открыв глаза, увидит свою дочь – живую и невредимую. Но, каждый раз открывая глаза, он видел одно и то же – белье, в складках которого гнездилась черная плесень, и пустую кровать. Дочери не было. Она умерла.

Умирала она страшно. Отказали легкие. От удушья не спасли ни лекарства, ни аппараты. Значит, и все его жертвы умрут, как и его дочь.

Подушка легла на голову девочки, полностью скрыв ее лицо. Она отчаянно цеплялась за жизнь. Он всей силой обрушился на подушку. Девочка билась, но секунд через десять стала ослабевать. Через минуту затихла совсем. Выждав для верности еще пару минут, он отнял от лица девочки подушку.

Она скончалась. Как и три предыдущие. Он задушил ее. Его дочь умерла еще раз. И будет умирать так еще много раз. Очень много раз. Вечно!

Потому что он – бог!

Теперь необходимо избавиться от тела, поговорить и успокоить вновь прибывшую. Через неделю она попадет из гостевой в яму. А еще через неделю, в тот день, когда он найдет новую пленницу, в спальню. И он задушит ее.

Потому что только он и есть бог...

23 апреля, Экарест

– Серафима Ильинична, прошу, подождите, я доложу о вас Марку Казимировичу, – произнесла миловидная секретарша.

Я осмотрелась. Мой бывший муж, один из самых известных режиссеров в стране, Марк Михасевич, работал не в самом плохом офисе. Его рабочая студия располагалась в центре Экареста, в одном из заново восстановленных особняков. В интерьере чувствовалось влияние идей, которые исповедовал Марк, – величие Герцословакии, скрытый монархизм и православие. Здесь доминировали красные и желтые тона. Несколько больших и весьма аляповатых икон, написанных, скорее всего, знаменитыми художниками, закадычными друзьями Марка. Огромный змееподобный дракон с короной на голове, скипетром и царским яблоком в лапах – герб королевства Герцословакии. Фотография нынешнего президента с размашистой подписью – «Марку Михасевичу от поклонника его таланта».

Мой супруг номер один (всего у меня их было четыре с половиной) за последние тридцать лет не изменился. Он всегда тяготел к помпезности, величию и неумемому гротеску. Впрочем, я любила Марка, а он любил меня. Наш брак считался образцовым – еще бы, отец Марка, самый известный поэт Герцословакии, великий и незабвенный Казимир Михасевич, любимчик тогдашнего коммунистического диктатора Готвальда Хомучека, был одним из самых влиятельных людей в социалистическом искусстве страны. Казимир был автором гимна, и это подняло его на недостижимую высоту и превратило в небожителя. Самое удивительное, что пятьдесят лет спустя, когда коммунизм в Герцословакии испустил дух, наш президент Гремислав Гремиславович Бунич попросил Казимира создать гимн для капиталистической Герцословакии. Бравурная, торжественная музыка осталась все та же, Казимир чуть подкорректировал слова (вместо «победы коммунизма» и «мудрых вождей пролетариата» восхвалялась «свободная, великая держава» и «демократия – наш выбор навечно»), и Герцословакия обрела новый старый гимн. Правда, прежний текст настолько въелся в память, что когда звучат первые аккорды величественного гимна, то меня так и тянет запеть о «торжестве идей Хомучека» и «светлом будущем для дружных народов социализма».

– И долго ждать, пока Марк Казимирович соизволит принять меня? – спросила я секретаршу. Та смутилась. Я одарила несчастную своим знаменитым инквизиторским взглядом исподлобья. Его я тренировала долгие годы в своей телевизионной передаче «Ярмарка тщеславия».

Я, Серафима Ильинична Гиппиус, Полярная звезда на литературном небосклоне Герцословакии, гранд-дама романоваяния, чей талант сопоставим с заслуженной славой, автор знаменитой и никем (и мной самой в том числе!) до конца так и не понятой «Глокой куздры», удостоенной несколько лет назад престижнейшей Тукеровской премии, умею ввергать людей в трепет и наводить на них деймос и фобос.

Помимо этого, никто и никогда не смел мне противоречить, ибо я, как древнеегипетское божество, считаюсь непогрешимой – в вопросах литературного творчества, а мой стиль настолько элегантен и уникален, что любые сомнения в адрес моей гениальности подобны государственной измене.

– Серафима Ильинична, – проблеяла секретарша, покрываясь красными пятнами, – я доложила Марку Казимировичу о том, что вы прибыли, он сказал, что примет вас через десять минут!

– Ах, правда? – вздохнула я и вперила в девицу взгляд Медузы-горгоны. Секретарша ни в чем не виновата, она выполняет волю своего хозяина, то есть Марка. А мой бывший мужек склонен к соблюдению дурацкого церемониала: Марк никогда не принимает посетителей сразу же, это считается дурным тоном, ибо каждый, кто желает попасть в святая святых самого

известного герцословацкого режиссера, обязан промариноваться некоторое время в приемной. Некоторые, в первую очередь малоизвестные просители и журналисты, ждут по часу, а то и по три – безропотно ждут, ведь, как информирует посетителей секретарша, «Марк Казимирович занят». Такие, как я, мастодонты и бронтозавры столичного общества тоже не допускаются к Марку прямо с порога – им приходится ковырять в носу минут десять-пятнадцать.

Да, милый Марк ничуть не изменился! И самое удивительное, что я по-прежнему испытываю к нему теплые чувства. Все же он был первым моим официальным спутником жизни! Наше бракосочетание считалось predetermined: я знала Марка с песочницы, наши родители обитали в элитном поселке для представителей социалистической интеллигенции Перелыгино, поэтому, когда юный Марк заявил родителям, что хочет жениться на мне, радости не было предела. Скажу честно, что великий гимнописец Казимир тайно надеялся на то, что его единственный сын найдет семейное счастье в объятиях младшей дочери диктатора Хому-чека и это породнит его с правителями Герцословакии, но мечты так и остались мечтами. В конце концов, я тоже была неплохой партией: моя мамочка, Нинель, была знаменитой полярной летчицей, а мой папочка, Илья, переводчиком с санскрита, специалистом международного уровня и автором нескольких классических монографий.

Мой брак с Марком длился пять лет, мы расстались по обоюдному согласию. Неземная любовь испарилась, уступив место постоянным скандалам и ежедневной перепалке, победительницей из которой выходила, разумеется, я – мне ли, выпускнице отделения классической филологии Экарестского государственного университета, кандидату наук, не знать всего разнообразия герцословацкого языка и в особенности некоторых его пластов!

И в то же время мы остались с Марком друзьями. Последние двадцать пять лет мы с некоторой ревностью следим за успешной карьерой друг друга. Я превратилась в Екатерину Медичи и мадам де Помпадур современной литературы, а моя программа «Ярмарка тщеславия», в которой я вытягиваю жилы и принародно подвергаю словесной экзекуции сильных мира сего, считается одной из самых популярных на телевидении.

Михасевич же сделался герцословацким Стивеном Спилбергом (он и не скрывает, что знает голливудского режиссера как облупленного и зовет его на «ты» и Стиви), получил за один из своих фильмов «Крылатого льва» на кинофестивале в Бертроне и едва не удостоился около месяца назад «Оскара». Пожалуй, Марк – самый влиятельный человек в герцословацкой фильмоиндустрии, ему ничего не стоит найти спонсоров, которые предоставят ему кредит в пятьдесят миллионов долларов для съемок очередного эпохального «кина».

Еще бы, Марк на короткой ноге с олигархами (разумеется, с теми, которые еще на свободе: тех, что сидят в тюрьме, Марк моментально вычеркивает из записной книжки), министрами и любит в интервью как бы случайно назвать нынешнего президента Гремиславом, а потом, чуть подумав, с легкой усмешкой добавить и отчество: так, чтобы все сразу поняли – его отношения с первым лицом в государстве – это отношения закадычных приятелей!

Но более всего Марк гордится тем, что он по отцовской линии светлейший князь. Удивительно, во времена коммунизма этот эпизод биографии моего бывшего свекра тщательно скрывался, ведь не пристало первому придворному поэту происходить из древнего аристократического рода, в анкетах так и писали в соответствующей графе: «Сын аптекаря».

Что правда – то правда, после революции дед Марка, князь, лишился всех своих многочисленных угодий, пяти или шести замков и раритетной коллекции картин, работал провизором в деревеньке, которая ему когда-то и принадлежала. Бежать за границу он то ли не успел, то ли не захотел.

Его сын, папочка Марка, сделался герцословацким Гомером, что позволило семье жить без осознания финансовых проблем и знакомства с колбасно-чулочными очередями. Когда социализм накрылся и наша Герцословакия на полных парах устремилась в счастливое капи-

талистическое будущее, которое, казалось, не за горами, Марк «вдруг» вспомнил о своем именитом происхождении.

Семейство Михасевичей обладало редчайшим даром – они всегда и при любом режиме были с властью! Старый князь припеваючи жил при короле, его сынок Казимир, напрочь забыв о своих дворянских корнях, достиг всего при коммунизме и рьяно воспевал классовое равенство, а Марк, следуя давней семейной традиции, в очередной раз с легкостью отказался от прежних идеалов и заделался первостатейным монархистом.

О нет, не подумайте, что это – обычное хамелеонство и конформизм, политическая мимикрия и беспринципность, подлаживание под существующий режим и желание, хотя бы и бессознательное, быть всегда в струе. Марк, когда-то рьяный пионер, комсомолец и член коммунистической партии, превратился в истового поклонника реставрации в Герцогстве королевской власти. Эта сверкающая идея пленяет его, он доказывает всем и вся, что единственно возможный путь – это абсолютная монархия. Михасевич поддерживает самые теплые отношения с представителями августейшей фамилии, более того, не так давно кто-то из великих князей наградил его бриллиантовым орденом первой степени «За служение королю, церкви и Отчизне».

Удивительно, но Михасевичи обладают поразительным чутьем на предстоящие политические перемены. Если Марк с таким упорством проповедует идею монархии, то значит ли это, что в ближайшие годы нам суждено превратиться в подданных королевской династии Любомировичей?

Как бы то ни было, но мы с Марком и после развода остались в хороших отношениях, вернее сказать, наши отношения после расторжения брака заметно улучшились. Марк считает необходимым снисходительно упоминать обо мне, своей первой супруге, когда дает очередное интервью. Иногда кажется, что он не может простить мне моего успеха – никому не известная экс-жена была бы ему гораздо удобнее. Михасевич как-то предлагал мне вступить в Дворянское собрание и обещал замолвить словечко перед кем-то из Любомировичей, чтобы мне дали титул баронессы или графини, но я с изысканиями верноподданнической благодарности заявила, что «недостойна, батюшка, недостойна!», и предпочла остаться мещанкой.

И вот вчера вечером, когда я с ироническим детективом в руках (это одна из самых страшных моих тайн: я обожаю дешевую беллетристику и читаю ее тоннами, хотя в своих выступлениях гневно клеймлю ее как «окололитературный пипифакс», сетуя на «поголовную дебилизацию нации» и «полное отсутствие идеалов»; самой же страшной тайной является мой вес) нежилась в своей кровати, а рядом со мной храпел тот единственный мужчина, коему дозволено делить со мной ложе, – мой десятикилограммовый котяра по прозвищу Васисуалий Лоханкин, раздался телефонный звонок.

Я ожидала услышать Раю Блаватскую, мою соседку по Перелыгину и закадычную приятельницу, поэтессу – представительницу интеллектуального постмодернизма, или, как я заявляю, «постинтеллектуального офигизма». Рая всем хороша, единственный ее порок – это страсти к многочасовым телефонным разговорам, в которых мне отведена роль статиста, на голову которого выливаются гигабайты информации о Раине панкреатите, почесухе и диарее. Я, приложив трубку к уху, не вникаю в смысл журчания Блаватской, а углубляюсь в очередной детективчик, время от времени механически вставляя проникновенные фразы наподобие «Да что ты говоришь, Рая!», «Быть того не может!» или коронное «Кто бы мог подумать!».

Но вместо Раи я услышала сочный мужской бас:

– Серафима, это Марк. Мне надо как можно скорее поговорить с тобой.

Положив на храпящего Васисуалия детектив в цветной обложке, я заметила:

– Марк, во-первых, добрый вечер, а во-вторых, возможно, ты не обратил внимания, что уже говоришь со мной?

Поколебавшись, режиссер заметил:

– Фима, это нетелефонный разговор. У тебя найдется для меня завтра часок-другой? Приезжай в мой офис!

Хам, подумалось мне, чего он хочет от меня? Или он снова будет склонять меня к тому, чтобы заделаться дворянкой или пожертвовать на восстановление его фамильного замка тысячу-другую у.е.?

– Ну хорошо, – милостиво ответила я.

Марк повеселел и перед тем, как положить трубку, весело сказал:

– Вот и отлично, Фима! Будь у меня к полудню, я уже велел внести тебя в список посетителей!

Марк остался Марком – он искренне уверен, что Земля вертится вокруг своей оси, солнце встает на востоке, а заходит на западе, а в Крабовидной туманности рождается сверхновая по одной только причине – чтобы угодить ему, Марку Михасевичу!

Но по крайней мере, успокоила я себя, в этом постоянно изменчивом мире есть одно неизблемое и постоянное – князь Марк и его опупенный эгоизм.

На столе у секретарши противно пискнуло, девица сняла трубку внутреннего телефона и, выслушав несколько фраз, благоговейно посмотрела на меня.

– Серафима Ильинична, Марк Казимирович ждет вас! – Судя по тону, несчастная была безнадежно влюблена в Марка. Ну, не мне осуждать ее: тридцать лет назад я и сама души не чаяла в красавце-усаче Михасевиче! – Прошу вас, – она указала на большую позолоченную дверь, украшенную изображением личного герба Марка. Вот она, святая святых, вход в кабинет самого Михасевича!

Я, изобразив самую приятную мину, прошла в кабинет режиссера. Секретарша закрыла дверь, оставив меня один на один с мэтром герцословацкого кинематографа.

– Рад, рад, Серафима, – произнес Михасевич, направляясь ко мне с другого конца огромной студии.

В этот особняк, расположенный в самом центре Экареста, в трех минутах ходьбы от резиденции главы государства, Марк переехал пару лет назад. Он считал, что у него, самого знаменитого герцословацкого режиссера, должен быть офис, ни в чем не уступающий его славе и размерам таланта. Марка совершенно не смутило, что особняк в сердце столицы стоил непомерные миллионы, а то, что его апартаменты выходили на президентский дворец и вечерами Марк мог видеть одинокий свет на верхнем этаже, там, где наш Гремислав Гремиславович заботится о благе страны и мира, наверняка усиливает уверенность моего экс-мужа в том, что он – «бэст оф»!

Помещение занимало целый этаж и было переделано, скорее всего, из пяти или даже шести комнат. Окна во всю стену, много света, заваленный бумагами, эскизами и образцами одежды массивный стол из мореного дуба, очень похожий на тот, что стоит в Овальном кабинете Белого дома.

Над ним – портрет самого Михасевича в полный рост. Марк в старинном мундире со сверкающим орденом, который ему вручили отпрыски королевского дома. Помимо всего прочего, Михасевич – заместитель председателя Дворянского общества Герцословакии.

Рядом – изображение его молодой супруги, известной и до безумия популярной актрисы театра и кино Юлианы Понятовской.

– Проходи, Серафима, чувствуй себя как дома! – произнес Михасевич, приветствуя меня крепким рукопожатием. Пожелание было излишним – кабинет Марка походил более на гибридный саудовский пятизвездочный отель и семейной спальни северокорейских Кимов.

Мне представилась великолепная возможность сравнить портрет с оригиналом. Оригинал был немного старше, чуть за пятьдесят, намного грузнее (Марк громогласно заявлял, что жмет штангу в двести кило), пушистые усы начали седеть, но в общем и целом передо мной возвышался Стивен Спилберг герцословацкого кинематографа, как величали его СМИ, Марк

Казимирович Михасевич. Живописец (я узнала творение одного из наимоднейших столичных художников, который специализировался на том, что писал заказные полотна, причем никак не меньше, чем за двести-триста тысяч долларов) безбожно польстил Марку, сделав его стройным и замазав весьма объемную лысину.

– Пардон за раскардаш, – сказал режиссер, указывая на творческий беспорядок в студии. – А также за то, что заставил тебя ждать. Но, понимаешь ли, новый проект. Одну секунду!

От беседы со мной его отвлек телефонный звонок. Марк вернулся к столу, взял трубку стилизованного под старинный аппарата:

– А, господин градоначальник, привет! Спасибо, дорогой, что нашел время мне перезвонить. Я ж тебя беспокоил вот по какому поводу: мне понадобится разрешение снимать на территории бывшей королевской резиденции, ну, для моего нового сериала нужна сцена коронации императрицы...

Пока Марк Михасевич панибратски беседовал с человеком, имя и отчество которого до подозрительного совпадали с именем и отчеством столичного мэра, я, не дожидаясь приглашения, погрузилась в мягкое кожаное кресло.

Я исподтишка наблюдала за режиссером; тот вел себя, как всегда, экспансивно и чуть насмешливо, словно давая понять, что ему, потомственному дворянину, истина открыта в двадцатом поколении.

Марк Михасевич за свою карьеру снял не более дюжины фильмов, однако каждый из них был настоящим событием в культурной жизни страны. Он не скрывал своих симпатий к великой Герцословакии, которая уже давно канула в Лету, говорил, что исправить ситуацию сможет только человек, который радеет за страну всем сердцем (таких, по скромному заявлению режиссера, было всего два – он сам и один из претендентов на престол, какой-то из многочисленных Любомировичей).

Последнее творение Михасевича, насколько я могла припомнить, было номинировано даже на «Оскар», однако не получило его, уступив пальму первенства некоему малоизвестному режиссеру из Азии. Последний фильм Михасевича я не видела, как и предпоследний, впрочем, тоже. Но и ставить об этом в известность Марка я не собиралась.

Закончив телефонный разговор с мэром, Михасевич уделил наконец внимание и мне.

– Прошу прощения, Фима, но ты сама понимаешь, что график у меня напряженный. Одна работа.

Ткнув пальцем в портрет Марка, я заявила:

– Я смотрю, твой придворный Караваджо не придерживается принципа, который ввел когда-то Кромвель, а именно писать натуру со всеми бородавками и родимыми пятнами!

Марк, бросив трепетный взгляд на свой парадный портрет, заметил:

– Ты думаешь, он мне польстил? А Юлиана сказала, что я получился как живой! И вообще, Фима, кто сказал, что народу нужна правда жизни? Наши люди устали от насилия и американского кино. Не спорю, в этом Голливуде, – тон Марка был снисходительным, – могут стряпать и кое-что стоящее. Мой друг Стивен... Стивен Спилберг... замыслил один грандиозный проект, может быть, я и соглашусь стать сопродюсером, но посмотрим, посмотрим...

Я подперла щеку рукой и приготовилась к долгой лекции, предметом которой был он сам – Марк Михасевич вкупе со своим талантом.

– Герцословацкому народу нужна рождественская добрая сказка, причем своя сказка, не нужно всех этих Ди Каприо и Шварценеггеров, – вещал Михасевич. Глаза его вспыхнули. – Наши люди тоскуют по прежней Герцословакии, по ее величию, которое было до революции...

– Ну, разумеется, Марк, – поддакнула я. – Так когда мы тебя коронуем?

Михасевич прервал свой монолог, критически посмотрел на меня и покачал головой.

– Фима, я смотрю, ты, как и прежде, не веришь в то, что наш единственный шанс на спасение – это возрождение монархии. Ну, я уважаю твои заблуждения...

Михасевич произнес это сострадательно-презрительным тоном, я фыркнула.

– Ладно, Серафима, дискуссии о нашей национальной идее мы продолжим как-нибудь в другой раз. Хотя все уже изобретено еще при короле: самодержавие, православие, народность. Вот три кита, на которых зиждется патриархальный герцословацкий менталитет, это соль земли нашей...

Михасевич прошелся по студии, заложив руки за спину и закусив губу. Эта поза обозначала, что он находится в раздумье. Затем он остановился и посмотрел на меня.

Я чуть не вздрогнула. Взгляд у режиссера был тяжелый. Надо же, я уже отвыкла от Марка и его театральных жестов. Я сразу поняла, почему Михасевич считается не самым простым собеседником, а на съемочной площадке, ходили слухи, он был настоящим зверем, все ради одного – чтобы добиться наилучшего результата. И это ему удавалось вот уже третье десятилетие.

Таким взглядом в одном из марковских фильмов низвергнутый герцословацкий король (роль которого исполнял сам Михасевич) пронзал предателя, только что огласившего смертный приговор в отношении его самого и его семьи и наставившего на монарха «маузер».

– О том, что я сообщу тебе, не должен знать никто, – строго сказал Михасевич.

И тут я наконец-то поняла, что еще отличало Марка Казимировича от парадного портрета – Михасевич смертельно устал. Об этом свидетельствовали темные круги под глазами и морщины, прорезавшие лоб. Но это была не творческая усталость, усталость желанная и сладкая. Это был страх.

– Желтые газетенки и так часто полощут мою приватную жизнь, а если кто-то из них раскопает эту историю, то о спокойной работе над новым фильмом можно забыть.

Странно, мнение бульварной прессы никогда особо Марка не занимало. Лет семь-восемь назад он развелся со своей очередной супругой, известной актрисой Тамарой Лисициани, богиней экрана (несмотря даже на то, что ей перевалило за пятьдесят, причем давно).

Все это сопровождалось шумными взаимными упреками, актриса, оскорбленная в лучших чувствах, давала интервью и не стеснялась выносить на всеобщее обозрение некоторые интимные детали. Михасевич повел себя по-джентльменски, не принимая участия в этом цирке. Еще более сенсационной стала его скорая свадьба с восходящей звездой, двадцатилетней Юлианой Понятовской. Года через три у них родилась дочь Настя, а от первого брака у Михасевича имелся сын-подросток Кирилл.

Мать-актриса о Кирилле абсолютно не заботилась, вверив того на попечение мужа. Тамара, кардинально омоложив внешность и изменив имидж при помощи дорогостоящих подтяжек, завела друга на двадцать четыре года младше себя, снималась в отечественных «мыльных операх» в ролях наивных барышень и молодых манекенщиц и во всеуслышание заявляла, что «безумно счастлива».

– Фима, я знаю, что могу доверять тебе. – В голосе Марка слышались человеческие нотки.

За пять лет нашего брака я никогда не видела Михасевича в подобном состоянии. Маститый режиссер, который гордится тем, что может разогнуть пальцами подкову и плавает в открытых водоемах в самый трескучий январский мороз, находился на грани нервного срыва. Да что же такое случилось?

– Ты – единственный человек, которому я могу доверять, – повторил он. – Я знаю, Фима, что ты принимала самое деятельное участие в разоблачении того безумца, маньяка, который убивал свои жертвы перед портретами.

Что было – то было: в прошлом году я волей случая оказалась замешана в небывалую историю. Я до сих пор не могу отойти от нее, ведь в результате этой детективной эпопеи я потеряла человека, которого любила всем сердцем и который, как я робко надеялась, стал бы

моим шестым и последним, самым обожаемым супругом. Но судьбе было угодно распорядиться иначе...

Марк продолжал:

– Я также знаю, что Гремислав Гремиславович Бунич и его супруга Надежда Сергиевна именно тебе обязаны тем, что ты разоблачила сумасшедшего, который грозил положить начало небывалому скандалу...

Ах, Марк и это знает? О том, что я оказала услугу нашему энергичному президенту, сошлась с его женой, дамой, быть может, несколько взбалмошной и избалованной, но по сути своей – доброй и милой, доказала, что их сын не является убийцей, а стал жертвой гнусной интриги, вывела на чистую воду убийцу сестры жены президента и предотвратила государственный переворот, – об этом в Герцословакии знало не более полудюжины человек.

– Да, да, я в курсе, – подтвердил Марк, прочитав на моем лице изумление. – Все детали мне неизвестны, Фима, это же государственная тайна, но я знаю, что если бы не ты, то президенту и его жене, а вместе с ними и нашей Герцословакии пришлось бы весьма несладко.

– Не имею права говорить об этом, – заявила я. – КГБ взял с меня подписку о неразглашении! Да и президент лично просил меня никогда и ни с кем не говорить об этой ужасной истории!

Марк опустил голову на грудь и прошептал:

– Фима, мне нет дела до того, что произошло с тобой, президентом и его женой. Но я знаю, что без тебя все бы полетело в тартарары. Ты помогла Гремиславу Гремиславовичу – помоги и мне!

Михасевич взывает о помощи? Да что же такое произошло в этом подлунном мире: огнедышащий дракон поглотил небесное светило, гора родила мышь или со дня на день ожидается высадка десанта злобных инопланетян?

– Прочти это! – безразлично сказал Михасевич, протянув мне прозрачную папку, которую взял со стола. Я послушно раскрыла ее и достала три конверта серой бумаги.

Первое, что бросалось в глаза, – адрес был выведен странным почерком, все буквы и цифры были идеальными. Наверняка сделано это для того, чтобы скрыть истинную манеру письма автора. Я сразу сообразила, что это, даже не ознакомившись с содержимым посланий.

Анонимные письма. Обычно те, кто посылает их, не стесняются в выражениях и угрозах. А Марк обладает удивительной способностью наживать себе врагов и наступать на чужие мозоли.

Не без любопытства я раскрыла первый конверт. Второе сложенный лист бумаги стандартного формата, мелованной и отличного качества. И всего несколько строк – обычно анонимщики не склонны к подобной лапидарности. Послание было составлено странным, много раз задействованным в детективных романах образом – при помощи вырезанных из журналов букв. Когда-то я смотрела передачу, в которой приводилась статистика по анонимным письмам: при помощи вырезанных из газет или журналов букв составляются едва ли два процента подобной корреспонденции. Да и в наше время высоких технологий не легче ли использовать компьютер и лазерный принтер?

Первое письмо гласило: **«Сука! Ты заплатишь за все. Готовься к скорой смерти. Никто не поможет тебе. Жди меня – я убью тебя».**

В замешательстве я посмотрела на режиссера. Тот, насупившись, явно ждал моего компетентного мнения.

– Марк, ясно только одно – кто-то старается запугать тебя...

– Не меня, – отмахнулся тот. – В том-то все и дело, что не меня, Фима! Если какая-то сволочь, творческий импотент, решил бы послать мне такое, я бы, не задумываясь, сходил с этой писулькой в сортир. Я знаю, меня или любят, или ненавидят, такова участь всех гениев. Но это письмо было адресовано моей жене Юлиане!

Вот оно что! Когда речь заходит о Юлиане Понятовской, молодой супруге Марка, все принимает совершенно иной оборот. Я развернула второе послание. Все тот же стиль, та же неприкрытая агрессия.

«Юлиана! Я обещал, что ты умрешь? Я слов на ветер не бросаю. Советую не ездить сегодня в Экарест».

– Первому письму я не придавал значения, – сказал режиссер. – Хотя оно пришло на наш адрес, не на экарестскую квартиру или сюда, в офис, а в Варжовцы. Ты же знаешь, это морской курорт на берегу Адриатики, в сто раз лучше Швейцарии или Италии, места заповедные! Наша дочь Настя страдает астмой, поэтому сразу после ее рождения мы купили там усадьбу, настоящее дворянское гнездо, отреставрировали... Теперь мы живем там почти все время, хотя я часто бываю в столице. В окрестностях Варжовцов я снимаю и новый фильм из русской истории. Юлиана играет молодую императрицу Екатерину.

Ну да, как же я могла забыть, что Марк обитает у самого Адриатического моря. Мой бывший прав: чудесное местечко, в начале века там отдыхала мировая элита, теперь же власти намерены сделать из Варжовцов второй Бертран или Монако. Сдается мне, что Михасевич выбрал своим постоянным местом жительства этот провинциальный курортник не по причине чистого воздуха и лазурного моря, а из-за того, что там – летняя дача нашего президента. Михасевичи в который раз оправдывают свой девиз, который, ей-богу, Марку стоит начертать на своем пышном княжеском гербе: «Semper cum imperio!»¹

Анонимщика в подавляющем большинстве случаев тяжело вычислить. Мне припомнилась история, которая приключилась с одной из моих подруг много лет назад. Милая и интеллигентная преподавательница вуза, специалист по греческому языку, получала до ужаса скабрёзные послания. Неизвестный автор, скрывающийся за малоприличными инициалами Х.У., в крайне нецензурных фразах информировал бедную женщину об интимной стороне ее же жизни. Затем такие же письма стали приходить прочим работникам кафедры и факультета. Жертва была на грани нервного срыва, пыталась даже покончить жизнь самоубийством. А некто площадными выражениями и с гадкими подробностями плел небылицы, обвиняя мою подругу черт знает в каких извращениях и тайных сексуальных пристрастиях. Не хочу вспоминать, о чем шла речь в анонимках, но даже бывалые полицейские краснели и пыхтели, читая эту мерзость. Искали таинственного автора долго и мучительно на протяжении трех лет. Моя подруга была вынуждена уйти с работы, она поседела, заработала язву и два инфаркта. Каково же было всеобщее изумление, когда совершенно случайно анонимщик нашелся – ее мучителем оказалась лучшая приятельница, которая все время остро сопереживала и всемерно заботилась о бедняжке. Эта особа, кстати, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедры, чувствовала себя обиженной судьбой, ее раздражал карьерный взлет и семейное счастье жертвы, поэтому она, тихая серая мышка, и взялась за стряпанье непристойностей, от которых покраснел бы и Венчик Ерофеев вкупе с Генри Миллером.

– Так вот, если бы это касалось меня, то я бы плюнул на эти писульки, – продолжал Михасевич. – Но Юлиана очень чувствительна, тем более после того, как... как американская киноакадемия не оценила мой фильм по достоинству, она находится в перманентной депрессии. Это происки завистников и бесталанных сволочей! И тут эти письма.

– Марк, – сказала я, – даже не являясь частным детективом, могу сказать одно, и вряд ли это тебя утешит, – действует кто-то из близкого окружения. Автору известен точный адрес в Варжовцах, а это узнать, я думаю, для непосвященного сложно. Ведь ни твой адрес, ни твой телефон в справочниках не значатся, так? В горсправке таких данных не сообщают. Кроме того, почему анонимщик не советует ехать Юлиане в Экарест?

– Обычная угроза, – произнес непонимающе Марк Михасевич.

¹ Всегда с властью! (лат.)

– Скорее всего, – согласилась я. – Но важно не его намерение, а то, что ему было известно: твоя жена собиралась ехать в столицу именно в тот день.

Марк растерянно произнес:

– Фима, я же знал, что ты – голова! Ты абсолютно права – Юлиана ездит в Экарест не так часто, где-то раз в две-три недели. Тем более у нас сейчас напряженные съемки, в столице бываю в основном только я, понимаешь, я параллельно работаю над четырьмя проектами, надо держать руку на пульсе, за всем следить, со всеми договариваться...

Я вспомнила телефонный разговор с экарестским градоначальником.

– О том, что в столицу нужно смотреться, становится известно накануне, максимум за два дня. Такая же ситуация и с Юлианой.

– Значит, тот, кто это написал, или просто попал пальцем в небо, нагнетая атмосферу страха, или он действительно был прекрасно информирован о планах твоей Юлианы, – завершила я.

– То есть эта сволочь затаилась где-то рядом с нами! – воскликнул Михасевич.

Новый телефонный звонок прервал нашу беседу, на этот раз режиссер не стал вести пространственные беседы, ограничившись парой фраз резким тоном:

– Ираклий, я перезвоню тебе позже. Да, хорошо, я рад, что декорации уже готовы. Но мне сейчас на самом деле некогда. Извини.

Я догадалась, что Марка беспокоил Ираклий Тхарцишвили, известный скульптор, который специализируется на том, что ваяет огромные статуи исторических личностей и дарит их столицам мира – за счет принимающей стороны. Марк заполучил Ирика в качестве декоратора для своей картины? Явно не из-за таланта Тхарцишвили, сомневаться в котором нет нужды (еще бы, чтобы всучить двум десяткам мегаполисов ненужные статуи, в самом деле требуется не просто талант, а особый дар), а дабы в титрах красовалось гордое «Ираклий Тхарцишвили», и Марк мог вещать о творческом союзе двух гениев, чей «безмерный талант» подарил жизнь «бессмертному кинематографическому шедевр».

– Фима, ты сто раз права! – сказал Марк, прохаживаясь взад и вперед по студии. Апрельское солнце падало сквозь огромные окна, искрясь и блестя всеми цветами радуги. – Эта мразь работает со мной, я жму ему руку, может быть, он мой так называемый друг!

– Почему ты решил, что это он? – спросила я.

– Ну, во втором письме есть оборот: «Я обещал...» То есть какой-то неудовлетворенный мужик... Да я ему...

Марк обладал холеричным темпераментом: мне припомнилось, как пару-тройку лет назад невоспитанные молодые люди, приверженцы некоей маргинальной партии, проникли на пресс-конференцию, которую Марк давал по поводу своего нового фильма, и забросали нашего Стивена Спилберга презервативами с краской. На беду Михасевича, там же присутствовали и операторы, и они засняли, как Марк Казимирович, наследник княжеской фамилии, маститый режиссер, заместитель председателя Дворянского собрания, президент Гильдии кинематографистов Герцословакии, в бытность свою депутат Госдумы, первый замминистра культуры, лауреат, кавалер и прочая, прочая, прочая, бьет ногой, облаченной в лакированный ботинок за две тыщи долларов, под дых этих самых молодчиков, которых удерживали его шкафообразные телохранители. Нехорошо вышло, ведь Марк всегда проповедовал джентльменское разрешение споров и воспевал юнкерские традиции дореволюционной Герцословакии. Мне стало не по себе: не советую я кому бы то ни было становиться на пути моего бывшего первого супруга – сомнет, как бульдозер.

– Не спеши с выводами, Марк Казимирович, – произнесла я в задумчивости. – Некоторые анонимщики терроризируют свои жертвы годами, а то и десятилетиями, те меняют адреса, переезжают в другой город, но все без толку. Они, как тень, следуют за ними.

– Тень, их мать! – выругался Михасевич, потирая побагровевшую шею. – Я эти тени закопаю, если достану их, но сначала они у меня в собственной крови на коленях будут у Юлианы вымаливать прощение!

– К написанию анонимок склонны женщины, – нравоучительно добавила я. Так, во всяком случае, утверждают авторы детективов, которые я читаю. – И тот факт, что анонимщик употребляет форму, указывающую на его мужской якобы пол, может быть не более чем обходным маневром. Таким людям верить нельзя.

– Да никому верить нельзя, – произнес Михасевич, оказавшись снова около звонящего телефона. Он снял трубку и снова повесил ее, так и не узнав, кто же его беспокоит.

Потом нажал кнопку селекторной связи и произнес:

– Римма, меня нет ни для кого. Пусть хоть звонит президент Бунич – я умер до тех пор, пока у меня Серафима Ильинична. Соединять только с Юлианой Генриховной.

Тем временем я ознакомилась с третьим посланием. Все те же мысли, облеченные, однако, в гораздо более серьезные слова.

«Милашка Юлиана! Ты сдохнешь скоро, и это сделаю я сам. Я убью тебя, разрежу на куски и съем».

– После этого письма я и решил действовать, – заметил Марк Михасевич. – До этого были просто послания шизофреника, теперь это стали послания опасного шизофреника.

– Но, Марк, – заявила я, – ценю твою веру в мои способности, однако тебе необходимо подключить к этому делу полицию или даже КГБ! Только не говори, что у тебя нет друзей в этих структурах!

– Друзей в МВД и КГБ у меня пруд пруди, – подтвердил Михасевич. – С нынешним министром я на «ты», он мне как-то даже именной пистолет подарил с дарственной гравировкой. И к спецслужбистам у меня имеется подход. Но, Фима... Возможно, этот ублюдок того и добивается, чтобы я всполошился. Не стрелять же из пушек по воробьям!

– Тогда найми частного детектива, – посоветовала я.

Красноречивый взгляд режиссера подтвердил мои опасения – в жертвы намечалась я.

– Фимочка... – Марк понизил голос до интимного шепота. Когда-то у меня дрожь по всему телу проходила от такого тона, а глаза застилала поволока. – Помогите мне, прошу! Я боюсь, что если к делу подключить всех этих шпионов или полицейских или тем паче частных детективов, то рано или поздно желтая пресса получит массу ценных сведений. Мне на то, что эти придурки обо мне печатают, наплевать, но я не позволю им трепать имя Юлианы! Вот если этим делом займешься ты... Приедешь ко мне в гости в Варжовцы, скажем, чтобы... чтобы отдохнуть... Или чтобы писать новый сценарий для нашего совместного проекта. А заодно осмотришься, попытаешься найти подлеца! Ты ведь сама говоришь, что эта гнида окопалась где-то рядом! А такой умнице, как тебе, ничего не составит в два счета найти этого урода. И тогда...

Марк сжал кулаки с такой силой, что пальцы побелели.

Я вздохнула. Отказать Марку я не смогу, даже если бы хотела. Он умеет убеждать людей в собственной правоте. И почему бы не съездить в Варжовцы? Я там целую вечность не была.

– Фима, найди и отдай мне этого ублюдка всего на пять минут. Обещаю, что не буду применять к нему физическую силу, сесть за убийство я не хочу, у меня на ближайшие годы другие планы. Но он все равно будет плакать кровью...

– Он или она, – сказала я.

Что-то подсказывало мне: это дело, которое на первый взгляд кажется столь простым – надо только найти того, кто пишет идиотские анонимки, – в действительности опасное и сложное. В этих скупых письмах сквозит угроза, не придуманная, а явная. Похоже, что тот, кто посылает эти буковки, вырезанные из журналов, на самом деле ненавидит Юлиану Понятовскую.

Я видела нынешнюю супругу Марка в нескольких фильмах. Белокурая, стройная, с зелеными глазами и точеной фигуркой, за которую я бы отдала всех своих Тукеров и половину литературной славы!

В прошлом году она получила главный кинематографический приз за роль в фильме собственного мужа. Ей, кажется, уже под тридцать, но выглядит на двадцать два. И почему мне упорно кажется, что не все так просто? В девяноста девяти процентах случаев анонимщики и не думают приводить в исполнение хотя бы часть своих безумных угроз. Но в одном проценте... В одном проценте случаев они достигают желаемого, потому что их никто не принимает всерьез, даже сами жертвы.

И тогда жертва умирает.

– Твоя Юлиана поехала тогда в Экарест? – спросила я.

Режиссер отрицательно качнул головой:

– Конечно же, нет! Я не мог подвергать ее такому риску... – Он замолчал, потом, видимо, собравшись с мыслями, произнес: – Я хочу, чтобы ты, Фима, правильно поняла меня. Я не боюсь этого ублюдка, он мне безразличен, хотя, находишься он в этом кабинете, я бы справился с этой мразью голыми руками. Да нет, рук бы не стал марать, наподдал бы ему ногами...

Мне вспомнилась сцена избиения юных хулиганов. Или, быть может, Марк изменился?

– Но все это начинает походить на охоту. А я не привык, чтобы моя жена или я становились жертвами. Поэтому прошу, чтобы ты помогла мне найти того, кто пишет эти анонимки, как можно скорее. Юлиана тогда не поехала в Экарест, вместо нее я уладил все дела. Я решил, что лучше перестраховаться, хотя и не в моих правилах поддаваться на угрозы какой-то сволочи.

– Ты кого-нибудь подозреваешь? – задала я вопрос.

Как всегда, расследование нужно начинать с поиска врагов – тайных или явных.

– Я? – Марк Михасевич задумался. – Вообще-то я могу предложить тебе на выбор человек двести пятьдесят, которые не любят меня, мои, так сказать, коллеги и бывшие друзья. Многие из них с неуравновешенной психикой, некоторые вообще придурки. Они же завидуют моему таланту и нашей с Юлианой семейной идиллии.

Нет, Марк точно не изменился! Впрочем, он, вне всяких сомнений, чрезвычайно талантливый режиссер и актер, который, однако, не упускает громогласно и при каждой подвернувшейся возможности напомнить об этом.

– Твоя бывшая жена, – подбросила я идейку. – Разумеется, не я, Марк, к этим письмам я не имею никакого отношения, но ведь после меня у тебя была еще одна супруга, не так ли?

Марк Казимирович, явно до этого и не помышлявший о таком развитии событий, рассмеялся. Смех у него был отрывистый, сухой, злобный.

– А это вариант! Ну, если окажется, что это Тамара... Ты ведь помнишь, что с Лисициани мы расставались не так, как с тобой, Фима. И все по ее вине! Она любила меня, а я ее – нет. Да Тамара должна быть благодарна только мне – это я заметил ее, тогда еще никому не известную актрисульку, когда она приехала из глухой провинции, сделал ее звездой. Тамара... Это так на нее похоже, хотя после нашего развода прошло около восьми лет, но такие обиды со временем только крепчают...

– И все? – протянула я.

Роль детектива начала увлекать меня. Хотя надо быть с этим осторожнее – когда последний раз я ввязалась в криминальную историю, это едва не закончилось моей гибелью от руки наемного убийцы.

– Марк, ты больше никого не можешь предложить на роль анонимщика? Он, остановимся на этом местоимении, хотя мне кажется, что за всем этим скрывается цепкая женская ручка, должен быть около твоей семьи, возможно, входит в твою съемочную группу.

– Один из моих подчиненных? – задумался Михасевич.

Он замер около панорамного окна, выходящего на резиденцию главы государства.

– Я подбирал команду очень тщательно. Я уже сказал, что сейчас в Варжовцах снимаю телевизионный сериал про молодую императрицу Екатерину. Со мной работает много народу, но чтобы кто-то из них затаил злобу на Юлиану или на меня и стал бы сочинять подобную мерзость... Не знаю...

– Марк, – попыталась я еще раз, – все же подумай о том, чтобы подключить к делу полицию. Я не могу дать тебе никаких гарантий, что смогу напасть на след анонимщика и... и, если на то пошло, помешать ему – или ей – осуществить задуманное.

Михасевич отмел мои сомнения энергичным жестом ладони, которая, как короткий меч, как будто сняла голову с воображаемого преступника.

– Фима, ты мне нужна! Я могу доверять тебе, и это для меня в данный момент самое важное. Кроме того, ты отлично ориентируешься в этой среде, ты все и всех знаешь...

– Будь по-твоему, – пробормотала я, чувствуя, что зря дала согласие. – У меня сейчас как раз творческий отпуск, да и наступил летний перерыв в съемках «Ярмарки тщеславия». Почему бы не прокатиться к тебе в Варжовцы?

– Спасибо, Фима! И вот еще что, – заметил как бы между прочим режиссер, теребя себя за ус. – В Варжовцах и окрестностях орудует маньяк, не знаю, важно это или нет.

– Что за маньяк? – ужаснулась я.

– Я не в курсе всех новостей, может быть, это только слухи, и несколько разрозненных и никак не связанных исчезновений объединили в одну цепочку по ошибке. Однако в городке месяца за два уже исчезли три или четыре ребенка. И через некоторое время были найдены их трупы. И вот я думаю... Может быть, этот... этот убийца и есть анонимщик? – предположил режиссер.

Снова затарахтел телефон, Михасевич сначала никак на это не реагировал, потом, в тихой ярости, подошел к столу, рванул на себя трубку телефона и в ярости произнес:

– Да! – Услышав ответ собеседника, он сразу же смягчился: – Юлианочка, это ты... Да, как раз говорю с Фимой. Она приедет... Да, да, рыбака...

Он повернулся ко мне спиной, понизив голос, явно не желая, чтобы я слышала его разговор с женой. Я решила воспользоваться ситуацией и внимательно осмотрела конверты, в которых пришли анонимные письма.

Письма были опущены в почтовый ящик на железнодорожном вокзале Варжовцов. Они пришли не из Экареста или еще откуда-то. Вряд ли анонимщик, чтобы замести следы, специально приезжает в городок и опускает в почтовый ящик работу своего воспаленного ума. Это добрых три сотни километров! Значит, он рядом, значит, он в Варжовцах.

Марк тем временем завершил разговор с Юлианой.

– Она очень рада, что ты приедешь, Фима. Юлиана тебе понравится, и бедная девочка уже ждет не дождется, когда познакомится с тобой. Она обожает твою «Ярмарку». Когда ты сможешь приехать к нам?

– Да хоть сегодня, – ответила я.

Михасевич пошевелил усами и сказал:

– У меня будет просьба... если тебя не затруднит, не могла бы ты... навестить Тамару.

– Почему бы тебе самому не спросить, имеет ли она отношение ко всей этой катавасии? – усмехнулась я, уже зная, что ответит Марк.

– Мы с Тамарой на ножах, – выдохнул режиссер. – Единственное, за что я ей благодарен, так это за то, что она позволила мне воспитывать Кирилла. Мальчишка и так со сложным характером, и если бы он остался у матери, это окончательно испортило бы его.

– Ну что же, Марк, если ты доверяешь мне это неофициальное расследование... – протянула я. – Но учти, я слагаю с себя всяческую ответственность за исход дела. Прошу тебя, обратись к...

– Знаю, знаю, – морщась, как от зубной боли, прервал меня Михасевич. – Но пока еще не пришло время звонить в полицию. Они только навредят! О, Фима, дай мне этого анонимщика... этого онаниста, – проскрипел зубами Михасевич. – Ух!

В кратком, но до чрезвычайности емком междометии заключался весь характер и темперамент мэтра герцословацкого кинематографа Марка Казимировича Михасевича.

И снова беседу прервала телефонная трель, Михасевич, милостиво объявив, что аудиенция окончена, добавил:

– Приезжай послезавтра, Фима. На вокзале тебя встретят. Будешь жить у меня в особняке.

Марк дал понять, что я могу идти.

– Стелла Богумиловна, это ты, что ли, мне житья не даешь? – произнес со смешком он в трубку. – Ну, как дела, старушка, как твой седокудрый Афиногенчик? Вы еще часом не развелись?

Марк, как всегда, был нарасхват – на этот раз его беспокоила примадонна нашей герцословацкой эстрады Стелла Бугачиха.

Я поспешно ретировалась. Через минуту я была на улице, около особняка, в котором располагалась студия и творческая мастерская Марка Михасевича.

Поеду в Варжовцы, хотя сейчас там не сезон. Отдохну, развеюсь, глотну свежего воздуха. И, если повезет, отыщу автора писем, который грозился убить Юлиану Понятовскую.

Тогда я и предположить не могла, каким беспросветным ужасом обернется вся эта на первый взгляд невинная история, но обо всем по порядку...

В Экаресте я остановилась на квартире своей старшей сестры Вероники – она у меня профессор, дважды доктор наук, специалист по теоретическому сексу. Вероника считается одним из ведущих специалистов по вопросам отношения полов, постоянно находится в разъездах, преподает в международных университетах, выступает на мировых симпозиумах и является штатным советником генерального секретаря ООН и ЮНЕСКО по вопросам демографии, контроля за рождаемостью и предотвращения распространения СПИДа.

В тот момент моя сестрица находилась где-то не то в Нью-Йорке, не то в Сан-Франциско в компании со своим новым увлечением, молодым жиголом Дусиком, который сыграл не последнюю роль в истории с президентом и его женой.

Вероника имеет двухъярусную квартиру общей площадью в полкилометра в одной из стеклянных башен суперэлитного комплекса «Авалон». Гонорары за ее публикации и бестселлеры о сексе позволяют Веронике иметь гнездышко во всех крупных городах мира. И когда Ника не в Экаресте (а это одиннадцать месяцев в году), в ее хоромах квартирую я.

Оказавшись в сестриных апартаментах, я первым делом позвонила Рае Блаватской. Узнав, что с Василиском, моим дорогим котиком, все в полном порядке (уезжая в столицу, я дала Рае четкие наставления по поводу кормежки животного и разъяснила, что парную говядину он кушает на ужин, а днем предпочитает печенку и потроха), и выслушав монолог, лейтмотивом которого являлся огромный прыщ, вскочивший у Раи на седалище, я перешла в наступление.

– Раечка, дорогая, ты ведь все и обо всех знаешь? – спросила я.

Рая закудаhtала:

– А что случилось, Фима?

– Что тебе известно про Тамару Лисициани? – задала я коварный вопрос.

Если кто и может снабдить меня сплетнями о бывшей жене Марка, так это Рая. Беда в том, что Блаватская не умеет отделять зерна от плевел, и в Ниагаре совершенно фантастических сведений сложно будет отыскать жемчужное зерно правды.

В течение последующих двух с половиной часов мне пришлось выслушать все, что Рая знала о Тамаре Лисициани, и остановить Блаватскую детской фразой: «Рая, у меня молоко убе-

гает» или «Ой, по телевизору, кажется, начинается мыльная опера!» – было нереально, на провокации моя подруга не поддавалась! Мне пришлось подробно выслушать, какие именно пластические операции и на каких частях тела Тамара Лисициани произвела в последние десять лет, как актриса скандалит на съемочной площадке и сколько у нее любовников.

И только под конец беседы мне удалось выбить из Раи то, ради чего я, собственно, и звонила: телефон и адрес Лисициани. Наказав Раисе заботиться о Васисуалии Лоханкине, я оторвала от влажного и распухшего уха телефонную трубку и со стоном повалилась на пушистый ковер. Боже, как же тяжела работа сыщика!

– Ну и что вы хотите знать, Серафима Ильинична? – произнесла Тамара Лисициани.

Бывшая жена Марка уютно свернулась в кресле и изучала меня огромными изумрудно-зелеными глазами. Я была в курсе (вездесущая Рая Блаватская!), что этим пламенным и чарующим взором Лисициани обязана контактными линзами, да и прочие ее стати были великолепным творением хирургов и визажистов. Результат был сногшибательным. Не зная я, что Тамара снимается уже около тридцати лет и у нее есть сын-подросток и на самом деле ей далеко за пятьдесят, я бы подумала, что передо мной – юная студентка театрального вуза.

Я никогда не была знатоком кино, совместная жизнь с Марком напрочь отбила у меня к этому охоту, но я хорошо помнила Лисициани по нескольким бесхитростным, как вегетарианский суп, ролям одетых в синие сатиновые платья с глухой горловиной пламенных комсомолок и строгих учительниц, которые ратуют за торжество социализма и порицают вещизм и буржуазность.

После краха коммунизма Тамара перешла на мясной рацион – снималась в многочисленных телесериалах, рекламе, играла в театре и не скрывала, что главное для нее – материальное благополучие. О том, что она его достигла, свидетельствовала шестикомнатная квартира в одном из небоскребов с железнодорожными шлагбаумами, видеокамерами, секьюрити, мраморным холлом и зеркалами в лифте, скромный, но дорогой интерьер и сама хозяйка – творение лучших отечественных косметологов.

Врать Лисициани не имело смысла. Тамара не отличалась особым интеллектом, но была ловка во всем, что касается собственной выгоды, и, как все заядлые лгуны, обладала поразительным чутьем на ложь других. Я не стала распространяться обо всех деталях, но и скрывать от Лисициани правду тоже не стала.

– И вы хотите узнать, не я ли автор этих дешевых писем с угрозами? – рассмеялась Тамара, обнажая ровные, идеально белые зубы, шедевр экарестских стоматологов.

В квартире мы были не одни. Со второго этажа (Тамара принимала меня в гостиную на первом уровне) доносились громовые звуки латинской музыки.

– Вы правильно сделали, что сразу обратились ко мне, – произнесла Лисициани, по-кошачьи потягиваясь. Она была в коротком халатике-пеньюаре из золотистого прозрачного шелка, который позволял демонстрировать окружающим (то есть мне), что ноги у нее идеальны до безобразия. – Вы – мой кумир! – провозгласила Тамара. – Я с самого детства обожаю ваши книжки!

Я с удовлетворением отметила, что шея у Тамары, стоит актрисе наклонить голову, собирается мелкими складками и сразу выдает ее подлинный возраст. Нет, каково! Она с самого детства обожает мои книжки! Можно подумать, что она – двадцатилетняя девчонка, а я – древняя развалина. Ведь если на то пошло, Тамара старше меня, причем лет эдак на пять! Или как минимум на четыре! И она смеет называть мои произведения «книжками»! Будь она у меня на программе, я бы растерзала ее в два счета!

– А я восхищаюсь вашим талантом актрисы последние сорок пять лет, – сказала я в ответ. Знай наших!

Лисициани сделала изящный жест пальцами левой руки (сплошные бриллианты-многокаратники и накладные серебристые ногти) и попыталась изобразить гримаску раздражения – я подумала, что Тамаре не стоит слишком часто делать это – даже под толстым слоем косметики проступают уродливые складки в уголках губ.

– Кофе, сок, коньяк? – предложила она, спасая ситуацию.

Я отказалась.

Тамара снова забралась в кресло и произнесла:

– Не знаю, что вам наговорил Марк, скорее всего, очередные гадости, но это не я. Вы же умная женщина, Серафима Ильинична, кстати, я смотрю каждый понедельник вашу «Ярмарку тщеславия»! И не отказалась бы прийти к вам в гости...

Лисициани тактично замолчала, я сделала вид, что не заметила ее намека. Списки гостей составляю не я, хотя, если понадобится, могу настоять на своем мнении, пригласить того, кого хочу, или вычеркнуть неподходящую кандидатуру. Беседовать в «Ярмарке» с Лисициани у меня не было ни малейшего желания.

– Понятно, что у вас нет никаких оснований верить мне, будь я автором писем, о которых вы говорили, то ни за что бы не призналась, но факт остается фактом – я не имею к этому ни малейшего касательства. Мне это не нужно!

Тамара, которая не могла долго усидеть на одном месте, грациозно поднялась и прошла по комнате, остановившись около журнального столика. Там лежали документы. Она начала просматривать их, одновременно ведя беседу:

– Вам повезло, через несколько часов я улетаю на Майорку, на две недели. И оттуда, разумеется, никаким образом не смогу бомбардировать Юлианочку угрозами. Мы прожили с Марком шесть лет, и я, честно говоря, благодарна ему. Он предоставил мне шанс самореализоваться.

Музыка на втором этаже смолкла, раздалось чье-то пение: мужской голос фальшиво выводил мелодию одного из хитов. Лисициани улыбнулась и произнесла:

– Это Андрей. Ну совсем еще мальчишка. Едет со мной на Майорку... – Потом продолжила, вернувшись к основной теме: – Марк дал мне очень многое, в конце концов, у нас с ним сын. Кирилл... Вы можете сказать, что я плохая мать, это на самом деле так. Мальчик живет с отцом и его новой женой, ему почти пятнадцать. Вы знаете, почему мы развелись с Михасевичем?

Рая сообщила мне в подробностях причину развода, но мне хотелось услышать версию Тамары.

– Все очень просто – он стал мне не нужен. Марк очень самолюбив и раним в то же время. Он просто не может представить, что он, самец, мачо, которой привык брать от жизни только лучшие куски, окажется брошенным мной. А он просто надоел мне – постоянные скандалы, он одно время увлекался спиртным, иногда поднимал на меня руку. Я поняла, что переросла его, он стал мне не нужен. Цинично?

А Блаватская утверждала, что Марк застал Тамару в постели с помощником звукооператора и вышвырнул жену на улицу.

Лисициани подошла к мне и присела рядом. Я ощутила тонкий аромат ее духов, узрела идеальный силиконовый бюст.

Но вблизи было заметно и другое – то, что никакие хирурги не в состоянии убрать или подтянуть: мелкие морщины вокруг глаз, более глубокие на лбу, увядающая шея. Время оставило безжалостные следы, и я смогла взглянуть в лицо настоящей Тамаре Лисициани – той, что судорожно цепляется за безвозвратно ушедшую молодость, боясь стать самой собой.

– Но для столичного бомонда, по требованию самого Марка, мы разыграли другую партию – я жалела его, он ненавидит, когда оказывается в беспомощном положении. Он предпочел бы, чтобы его не выносили и проклинали, но только не жалели. В него тогда были влюблены

все женщины страны или почти все, за исключением меня и, думается, вас, Серафима Ильична. Они просто не знали, что его образ идеального мужчины – фикция. Марк зануден до невозможности, а чего стоит его помешательство на монархии и собственной гениальности... Мы расстались, но меня взбесило то, как по-бабьи он цеплялся за каждую эмалированную кастрюлю, каждую дешевую картину при разделе имущества. Это потом он стал вальяжным аристократом, который не обращает внимания на деньги. Я помню его другим. В итоге я не выдержала и дала несколько интервью. Теперь понимаю, что этого делать не стоило, потому что проиграла только сама – для всех я стала стервой, которая мстит мужчине за то, что он меня бросил, а он, молчаливый и гордый, обрел терновый венец мученика, и поклонницы с визгом бросились на его очередной фильм.

Лисициани, завершив свою гневную тираду, опять оказалась в кресле:

– Он нашел свою Понятовскую, девчонка на самом деле без ума от Марка, точнее, не от самого него, а от образа, который он создал себе. У них, кажется, есть дочурка, да и Кирилл живет вместе с ними. Семейная идиллия. Сыну лучше с отцом, он его обожает. Такая мать, как я, не сможет много дать своему ребенку. Я и не скрываю, что предпочитаю жить в свое удовольствие.

– Тамара Кимовна, – произнесла я, – если не вы, а сомневаться в этом у меня нет причин, то кто?

– Только не Тамара Кимовна! – воскликнула Лисициани. – Не нужно этих смешных отчеств, они заставляют меня думать о том, что я старуха!

– Ага! – произнесла я.

Что же, старухой ее назвать было никак нельзя, однако и молодой девочкой – тоже. Я представила ее лет этак через десять – погоня за ускользающей молодостью становится бешеной, требуются все более радикальные и дорогие операции, лицо начинает походить на маску, с астрономической скоростью меняются бойфренды, последующий моложе предыдущего. Тамара Лисициани может быть уверенной только в одном – никто и никогда не назовет ее милой и приятной пожилой дамой, все за ее спиной будут шептаться о том, «как это старой карге удастся держать такую форму».

Не так давно Тамара выступала в одном из послеобеденных ток-шоу: камера практически не наезжала на ее лицо, а если приходилось брать крупный план, так изображение было как в дымке – режиссеры пощадили самолюбие Лисициани и не стали демонстрировать всей стране неизбежные приметы старости. А вот издали она производит впечатление молодой девицы, хотя голос... Голос уже не тот...

– Кто? Я не знаю. Марк обладает взрывным темпераментом, всегда категоричен в суждениях. Заводит врагов с великой легкостью, а еще легче расстается с друзьями. Он гениален, я тут не спорю, но страшно амбициозен и эгоистичен. Это может быть кто угодно. Но только не я!

В этот момент по лестнице в гостиную спустился тот, кто фальшиво пел наверху: Андрий – друг Лисициани. На вид ему было немногим за двадцать, идеальные черты лица, атлетическое телосложение, длинные темные волосы, стандартная голливудская улыбка. Мальчик из рекламы бритвенного станка или дезодоранта – физиономия абсолютно не отпечатающаяся в памяти.

– Милая, – произнес он, целуя Тамару, – я собрал чемоданы. Нам скоро выезжать, а ты еще не готова.

– Спасибо, Андриюш, – пропела Лисициани, обнимая своего друга за талию. – Позвони и выясни, все ли уладили со сценарием. Мне не хочется прилететь на солнечную Майорку и узнать, что они уже десять раз изменили все диалоги и сцены.

Андрий снова поцеловал Тамару, на этот раз в губы, причем сделал это намеренно, демонстрируя неземную страсть специально для меня, и удалился.

– Одаренный мальчик, – непонятно что имея в виду, произнесла Лисициани, когда жиголо скрылся на втором этаже квартиры. – Вы видите, я вполне счастлива. У меня есть увлекательная и хорошо оплачиваемая работа, есть Андрий, который меня на руках носит. Я красива, обеспеченна, любима. Мне больше ничего не требуется. Так что запугивать Понятовскую мне не нужно – этим занимается кто-то неудовлетворенный, страдающий, завистливый. Вся ненависть и обида на Марка у меня давно прошли, я даже не думаю о нем. Михасевич для меня не существует, разве что встречаемся изредка на светских раутах, но, поверьте, мы даже не говорим, а он делает вид, что не замечает меня. Это просто смешно – он до сих пор не может простить, что именно я указала ему на дверь. Вот что значит уязвленное мужское самолюбие.

Больше у Тамары Лисициани делать мне было нечего. Актриса мне несимпатична, но я ей верю. Она счастлива, и не она автор анонимок с угрозами в адрес Понятовской.

Мы попрощались, около Лисициани снова возник рекламный юноша.

– Все в полном порядке, милая, – произнес Андрий, обнимая Тамару. Он словно не замечал меня. – Сценарий без изменений. Кстати, Тома, ты обещала мне «Ролекс». Может, по пути заедем и купим?

– Да, Андриюша, – ответила Лисициани, откинув прядь волос со лба друга.

– Как я тебя люблю, солнышко, прямо обожаю! – воскликнул Андрий и прижал к себе Лисициани.

Таковыми они мне и запомнились – молодой плеейбой, прижимающий к себе стареющую кинозвезду. Теперь понятно, почему Тамара Лисициани никак не интересуется Кириллом, своим сыном, перепоручив его заботам Марка Михасевича. Ее сын был всего лет на десять моложе сиплогого Андрия, а двух сыновей Лисициани точно бы не вынесла!

Но что-то не давало мне покоя. И только вечером, укладывая в Перелыгине чемодан для путешествия в Варжовцы, я поняла, что именно. Уж слишком ненатурально изображали страсть Тамара и ее Андрюшик. Ненатурально и наигранно, словно в их задачу входило убедить меня – их отношения лучше некуда! Все эти поцелуйчики, сюсюканье, сверкающие взгляды.

А если они хотят, чтобы я поверила в их совершеннейшее счастье, то похоже, что никакого счастья нет! Но что это значит?

24 апреля, Варжовцы

– Мне кажется, граф, что вы должны знать... – голос Юлианы Понятовской, которая изображала молодую великую княгиню Екатерину, понизился до шепота.

Я находилась на съемочной площадке и делала вид, что внимательно слежу за отлаженным творческим процессом. Снималась важная сцена беседы будущей императрицы с одним из своих – также будущих – фаворитов. Работа шла в павильоне – в него был превращен один из огромных цехов разорившейся обувной фабрики.

– Стоп! – закричал Михасевич.

Он был рядом с одним из режиссеров, на высоте метров трех, замерев как раз над Понятовской и ее собеседником. Мгновенно все преобразилось – тишина, до этого царившая в импровизированном павильоне, сменилась гулом голосов, Марк прокричал в большой рупор:

– Юлиана, старайся говорить мягче, с игривыми интонациями, кроме того, стань к нему вполоборота. И, черт побери, почему свет направлен в противоположную сторону?

Техники, которые были ответственны за освещение, развернули огромные прожектора в том направлении, которое требовалось Марку. Операторская люлька, походящая на ту, что используют маляры, дабы забраться на верхние этажи здания, плавно опустилась вниз. Михасевич соскочил на пол, подбежал к жене и ее партнеру и стал, жестикулируя, объяснять, как именно должна выглядеть сцена. Потом он дал несколько наставлений обслуживающему персоналу.

Пока он говорил, около Понятовской, облаченной в пышное платье по моде середины восемнадцатого столетия, суежилась гримерша в мини-юбке и с кольцом в губе. Она подправляла Юлиане – Екатерине макияж и припудривала волосы, собранные в высокую прическу.

– Все по местам! – закричал Михасевич, снова забираясь в люльку рядом с оператором. Люлька взмыла вверх, покачиваясь над говорящими, словно неопознанный летающий объект. Шум и гам (на съемочной площадке находилось еще человек пятнадцать) сменились абсолютной тишиной.

Сцена повторилась. Я, буду откровенна, не заметила концептуальных отличий от того, что предстало перед моими глазами пять минут назад. Судя по всему, Михасевич остался доволен – он прильнул к монитору, на котором отображалась одна из ключевых сцен его фильма. Сей эпизод длился несколько минут – Екатерина, используя свои несомненные женские чары, склоняла гвардейского офицера к перевороту. На самом волнующем месте, когда тот должен был пасть в объятия очаровательной интриганки и сказать «да» или с жаром отвергнуть вероломное предложение, сохраняя верность ее мужу-императору, и заявить «нет», Михасевич снова прокричал в мегафон:

– Стоп! Снято! Всем спасибо! Перерыв пятнадцать минут! Готовим сцену 298-6!

В Варжовцы я прибыла накануне вечером. Пришлось почти пять часов трястись в допотопном медлительном поезде, который довез меня из столицы к побережью Адриатического моря. Марк не обманул – в моем распоряжении был его тонированный джип и молодой помощник режиссера, весьма ретивый и симпатичный юноша. Он оробел, узрев пред собой великую писательницу Серафиму Ильиничну Гиппиус – удивительно, до какой степени завораживающее впечатление я произвожу на всех, с кем мне приходится общаться. Наверное, бедолаги сразу вспоминают мегеру из «Ярмарки тщеславия» – они и не подозревают, что по натуре своей я чрезвычайно робкая, нежная и страшная любого грубого слова поклонница иронических детективов. Положение обязывает – мне пришлось изображать из себя гениальную писательницу и знаменитую телеведущую: следуя этой роли, я процедила на робкое приветствие посланца Марка «Добрый день, Серафима Ильинична!» злобное: «Ну какой же добрый день, голубчик, если, во-первых, я едва не отдала богу душу в этом «Восточном экспрессе»,

а во-вторых, или, может быть, во-первых, сейчас почти семь часов вечера, поэтому, шер ами, надобно говорить: «Бон суар!»

Я всегда иду в атаку, когда проголодаюсь. Молодой человек испуганно замолчал, подхватил мой чемодан и распахнул дверцу джипа.

– А где Марк? – спросила я тоном вдовствующей императрицы.

– Марк Казимирович велел мне встретить вас, – пролепетал юноша.

– Ну, ну, – процедила я и добавила: – Ну что же, можете трогать, милейший!

С железнодорожного вокзала мы направились к особняку Михасевича. Мой экс-супруг не обманывал: шикарный белый дом, настоящее родовое поместье, этакое дворянское гнездо, располагался в самом центре городка.

Варжовцы – это уютный, тихий городишко, полный старинных зданий и купеческих хором, городок, ведущий размеренную, сонную жизнь, городок, в котором никогда и ничего не происходит. В начале прошлого века он начал входить в моду как великосветский курорт, здесь собирались сливки европейского общества, одно за другим открывались казино, отели и водолечебницы. Конец этому буржуазному великолепию положила Первая мировая война, после которой Варжовцы так и не оправались. За этим последовали годы разрухи и полуфашистской диктатуры, сменившиеся Второй мировой войной, последующим низвержением монархии и установлением по всей Герцословакии советской власти. Наши коммунистические боссы любили отдыхать на морском побережье, где лечили застарелый простатит, запоры и «подарки Венеры», принимая важные политические решения. Городок хирел, от былого сияния эпохи первого десятилетия двадцатого века не осталось и следа. Так, знаменитый, похожий на сказочный замок вокзал безжалостно снесли и заменили уродливой бетонной коробкой с чугунными серпом и молотом на фасаде. Возникли многоэтажные монстры, которых по всей стране возводили, как мне кажется, по одному и тому же бездарному и человеконенавистническому проекту. Но в историческом центре Варжовцов сохранились особняки, которые теперь раскупили нувориши. В последние годы городок начинает постепенно возрождаться, сюда приезжают немногочисленные иностранные туристы, да и свои, отечественные, не забывают Варжовцы. После того как нынешний президент страны, душка Гремислав Гремиславович, начал регулярно принимать высоких зарубежных гостей в своей вилле у моря, Варжовцы стали известны всему миру. Но до Бертрана Варжовцам еще ой как далеко!

Я заметила несколько церквушек, узкие улицы были засажены зеленеющими кривоватыми деревцами. Я никогда бы не могла представить, что кто-то из жителей этого милого городка, своего рода идеальной герцословацкой провинции, способен причинить боль ближнему.

Прохожих на улице было немного, в основном скромно одетые пожилые люди: туристический сезон еще не начался, и в период с октября по июнь Варжовцы вымирали, превращаясь в город-призрак.

Детей не было видно совсем. Ну да, как я могла забыть... Маньяк. В этом красивом, буколическом городке, который так и просился со всеми своими церквушками, краснокирпичными особнячками и парками на конфетную коробку, обитал безжалостный убийца. Но вряд ли это маньяк пишет анонимки Понятовской.

У особняка Михасевича, уверена, самого красивого и импозантного (другой бы Марк себе и не выбрал бы), меня встретили несколько человек, тоже из съемочной группы. Они охотно объяснили, что съемки идут в одном из павильонов на другом конце Варжовцов.

Чтобы попасть туда, мне пришлось полчаса идти по кривоватым улочкам городка. Наконец я оказалась около бывшего здания обувной фабрики. Здесь и находилась «фабрика грез» Михасевича.

Марк, спустившись с режиссерских высот, наконец соизволил заметить меня. Он был в хорошем расположении духа.

– Ага, вот и ты, Фима. Ну что же, рад, рад. Как доехала?

Я оглянулась. Члены съемочной группы вроде бы занимались своими делами – механики устанавливали аппаратуру, декораторы меняли интерьер, Понятовская и другие гримировались или, смеясь, курили в стороне. Тем не менее я каждой порой ощущала, что за нами наблюдают.

– Я начала расследование, Марк, – произнесла я негромко. – Твоя бывшая жена Тамара Лисициани, скорее всего, непричастна к этому.

– Скорее всего? – произнес Михасевич в некотором раздражении. – Фима, давай не будем говорить об этом.

Мне бросилось в глаза, что упоминание Лисициани действует на Марка, как красная тряпка на быка. Занятно, занятно. Это что, уязвленное мужское самолюбие?

– Обо всем сегодня вечером, Фима, на съемочной площадке слишком много посторонних ушей, – произнес он скороговоркой, а затем громогласно добавил: – А сейчас я познакомлю тебя с Юлианой.

– В качестве кого собираешься представить меня народу? – поинтересовалась я. – Мне придется задавать вопросы, без этого нельзя. А в таком случае вопросы могут возникнуть и у других – например, о моей собственной персоне.

– Ты права, – ответил режиссер. – Значит, так, Фима. Актерская братия любит, когда вокруг них трутся обожатели и воздыхатели, в особенности такие знаменитые, как ты. И охотно идут на контакт, если думают, что это послужит лишней рекламой. Так что смотри!

Михасевич поднес к губам мегафон и прокричал:

– Дамы и господа!

Все взоры мгновенно обратились в нашу сторону. Я волей-неволей стала эпицентром всеобщего внимания. Воспользовавшись возможностью, я осмотрела собравшихся.

Обычные, может быть, чуть экзальтированные люди, одним словом – киношники. Мужчины и женщины. Несколько знаменитостей, которые были в одной группке, начинающие актеры – в другой.

Юлиана Понятовская, капризно смотрящаяся в зеркало, выговаривает гримерше. Рабочий персонал в спецовках. В общем, ничего таинственного или подозрительного. И тем не менее – я почему-то была уверена в этом почти на сто процентов – один из тех, что сейчас рассказывает анекдоты, ест бутерброд, курит или флиртует, и являлся автором пугающих писем жене известного режиссера. Кто-то желал ей смерти и не скрывал этого. Но кто?

– Разрешите представить вам самую знаменитую писательницу Герцословакии, ведущую культовой программы «Ярмарка тщеславия» и, кстати сказать, мою первую супругу, с которой мы жили вместе целых пять лет, Серафиму Ильиничну Гиппиус, – провозгласил режиссер.

Судя по всему, от меня требовалось заплакать горячими слезами и вознести хвалу всевышнему за это неземное счастье – пять лет являться женой самого Марка Михасевича!

– Серафима Ильинична – представитель одного из телевизионных каналов. Наш сериал, как вы знаете, планируется пустить под Новый год, во второй декаде декабря. Серафима Ильинична прибыла в Варжовцы, чтобы ознакомиться с процессом съемок. Госпожа Гиппиус – эксперт в сериальных делах! Она любезно пригласила меня и Юлиану Генриховну в свой новогодний выпуск, который выйдет в эфир 31-го числа, и беседовать мы будем о нашем сериале, который к тому времени, я уверен, побьет все рейтинги и станет самым любимым у зрителей. Так что прошу вас помочь Серафиме Ильиничне, отвечайте на все ее вопросы и вводите в курс дела. Заранее благодарен за вашу помощь!

– Марк! – пророкотала я. – Что-то я не помню о предложении в твой адрес и в адрес твоей супруги выступить у меня в новогоднем выпуске.

– Не беспокойся, Фима, мы согласны, – отмахнулся Михасевич. – А то ведь за все то время, что ты ведешь свою «Ярмарку», у тебя не было в гостях ни одного мало-мальски нор-

мального режиссера, так, все какие-то олухи и бездари. А меня и Юлиану народ любит, вот и будет для всей страны подарок – наш эфир!

– Что подарок, то подарок, – проскрипела я зубами.

Придется в самом деле приглашать в «Ярмарку» Марка и его Понятовскую. Небось мой экс-супруг думает, что сумеет, как это обычно за ним водится на телепрограммах, без остановки петь соловьем и рассуждать о своем грандиозном таланте? Нет, Марк: я скушаю заживо и тебя, и надменную панночку Юлианочку, а затем без единой купюры велю пустить в эфир.

– Хорошо, Марк, – произнесла я. – Придешь ко мне на эфир со своей женошкой. Только для чего ты оповестил всех, будто я эксперт по сериалам, ты что, ничего другого придумать не мог? Я же абсолютно ничего не смыслю в этом деле!

– Дорогая Фима! – ответил Марк, похлопав меня по плечу. – Ты бы только знала, сколько на телевидении и в кинематографе людей, которые тоже ничего не понимают, но настырно лезут и снимают. И еще считаются образцами для подражания!

В этот момент к Михасевичу подбежала девочка лет шести, светловолосая прелестная хохотушка с такими же, как у матери, огромными синими глазами и упрямым отцовским подбородком. Девчушка была одета в дорогое парчовое платье по моде легкомысленного восемнадцатого века.

– Папа! – закричала она. – Папочка!

Марк Михасевич подхватил ее на руки и поцеловал. Я поняла, что это Настя, дочь режиссера и Юлианы Понятовской.

– Вот моя принцесса! – засмеялся Михасевич и, посадив дочь на шею, побежал с ней по павильону. Девочка весело смеялась, Михасевич корчил рожи и дурачился. Кто бы мог узнать в этом любящем отце грозного кинематографиста! – Настена, готовься! – приговаривал Марк Казимирович. – Сейчас у тебя ответственный день. Ты первый раз будешь сниматься. Ты хочешь стать звездой?

Он снял дочь и нежно поцеловал ее. Дочь, которая появилась на свет, когда Михасевичу уже было под пятьдесят, была для него всем. Фотографии счастливой четы – по-княжески величественный Марк, бездумная куколка Юлиана и чудесное дитяtko Настя – регулярно появлялись в глянцевах журналах под заголовками: «Счастье по-герцословацки», «Неземная любовь великого режиссера и знаменитой кинодивы» и «Юная дочка пойдет по стопам родителей».

Настя с готовностью пропищала:

– Хочу, как мама, быть звездой!

– И ты будешь! – Режиссер подкинул дочку вверх и поймал ее, девочка визжала от удовольствия. – Станешь звездой, да еще какой! Будешь сниматься в моих фильмах, как и мама, получишь награду как лучшая актриса года и «Оскара» заработаешь! Мы этому Голливуду покажем!

– Марк, не надо! – произнесла недовольным тоном Понятовская. – У меня каждый раз сердце замирает, когда ты подбрасываешь Анастасию. Кроме того, ей нельзя много бегать, может начаться приступ астмы!

– Мамоchка, все в порядке! – кричала, смеясь, девочка.

Михасевич, приподняв и поцеловав ее в лоб, бережно опустил Настю на пол. Она побежала к Юлиане, которая расположилась в обтянутом алым бархатом резном кресле, более похожем на императорский трон. Я заметила, что у всех остальных были обыкновенные пластиковые стулья, даже у ее мужа-режиссера, правда, с табличкой на спинке: «V.I.P. Марк Михасевич».

Понятовская, в отличие от мужа, была далеко не в самом хорошем расположении духа. Впрочем, как успела сообщить мне внештатный информатор Моссада Рая Блаватская, Юлианочка за последние годы разительно переменилась: еще бы, из никому не известной актрисочки, которая прыгала от счастья, получив эпизодическую роль в глупом сериале, она

посредством замужества превратилась в самую известную и высокооплачиваемую диву Герцословакии. Не могу судить о размере артистического дарования Юлианы, но не думаю, что она, как пишут бульварные листки, «самая одаренная актриса со времен божественной Греты Гарбо». Если бы не Марк, то она так бы и прозябала в неизвестности на задворках телестудий. Претерпел изменения не только статус Понятовской, но и ее характер. Раньше девочка жила в общежитии, кушала дешевую колбасу, а по вечерам подрабатывала в ресторане официанткой. Там-то ее и заприметил наш барин Марк, любитель многочасовых застолий и витиеватых тостов (в первую очередь тех, что прославляют его самого). И, о чудо: Золушка стала принцессой, начала коллекционировать драгоценности и одеваться от кутюр в Париже, Милане и Нью-Йорке. Милая, стеснительная провинциалочка уступила место хваткой и капризной хищнице.

– Что вы мне суете? – Юлия недовольным тоном прикрикнула на растерявшуюся гри머шу. – Я же сказала, тени должны быть нежно-бирюзовые. А у вас что, дальтонизм? Цвета не различаете, милочка? И где мое успокоительное! Марк, я окончательно стану неврастеничкой на этих съемках. Где эта несносная Зоя?

Как из-под земли перед тронем, с которого Юлиана давала очередное представление, выросла невысокая крашеная брюнетка в строгом брючном костюме горчичного цвета. Эту особу можно было бы назвать симпатичной, если бы не слишком острый нос и постоянно презрительное выражение чуть раскосых карих глаз. Зоя протянула Юлиане золотистую фарфоровую чашку, в которой что-то шипело, и сценарий в массивной кожаной папке.

– Не нужен мне сценарий, Зоя, память у меня отличная, я все знаю! – сказала с раздражением Понятовская, швыряя папку на пол. Зоя – видимо, ее секретарша – с натужной улыбкой нагнулась и стала собирать разлетевшиеся листы.

– Ну что ты медлишь, ты же знаешь, Зоя, что лекарство нужно принимать строго по часам, – капризно произнесла Юлиана.

Зоя наконец подала ей чашку. Понятовская, отпив крохотный глоточек, поморщилась.

– Опять вода! И к тому же с газом, хотя ты великолепно знаешь, что минералку я пью только без газа. Я же просила добавлять не в воду, а в ананасовый сок. От воды толстеют. Зоя, я не хочу, чтобы меня разнесло, как корову. Или как тебя!

Последняя фраза была рассчитана на то, чтобы оскорбить Зою – секретаршу даже при наличии самого буйного воображения нельзя было назвать полной.

Все на съемочной площадке вертелось вокруг двух особ женского пола – Юлианы Понятовской и Насти Михасевич. Однако если вторая, задорно смеясь, была всеобщей любимицей, каждый старался потрепать девочку по голове или сказать что-то приятное, то ее мать, как моментально поняла я, вызывала всеобщую ненависть. Вполне вероятно, что у автора анонимок был веский повод измываться над Юлианой: Понятовская умела оскорбить.

– Зоя, где сценарий? – потребовала вдруг Понятовская. Секретарша неловко протянула ей кожаную папку. – Мне нужно сверить две реплики. Ну почему ты вечно все куда-то кладешь не туда! Листы все в пыли, что ты мне суешь, сначала протри каждый лист платком! У тебя что, нет платка? Что за ужас, кто со мной работает!

Я заметила, как Зоя нахмурилась. В глазах секретарши горела злоба.

– Боже, вы достали тени? – обратилась Юлиана к гримерше. – Нет? А почему вы курите? Вы же знаете, что я не выношу табачного дыма, я не хочу заработать рак.

Марк Михасевич, казалось, никак не реагировал на капризы и вздорное поведение жены. Впрочем, он был ее муж, поэтому никто на съемочной площадке не мог пожаловаться на Понятовскую и ее необоснованные претензии. Мне стало даже жаль Марка: нашел себе на старости лет жену-командиршу! Кто бы мог подумать, что всем заправляет эта стервозная Юлианочка.

В углу павильона я заметила подростка лет пятнадцати. Хотя про современных тинейджеров нельзя с уверенностью сказать, сколько им лет, – акселерация достигла невиданного размаха.

Подросток был нескладный, шуплый, достаточно высокий, с короткой стрижкой, в круглых очках, которые делали его похожим на плохую копию Гарри Поттера. Уже не мальчик, но еще далеко не мужчина.

Он кого-то неувовимо мне напоминал. Ну конечно же! Тамару Лисициани! Это, должно быть, сын Михасевича от второго брака, сводный брат Насти, Кирилл. Он учился, насколько я помнила, в девятом или десятом классе. Я обратила внимание на то, с какой завистью он смотрел на сестренку, находившуюся в центре всеобщего внимания.

– Кирилл! – подростка заметил и Михасевич. – Ты что здесь делаешь? Разве ты не должен готовиться к химии? У вас завтра тест.

– Папа, – ответил Кирилл, – мне так интересно. Можно я немного посмотрю...

– Кирилл, – тоном, не терпящим возражений, прервал его Марк Казимирович. – Я не хочу, чтобы тебе делали поблажки только из-за того, что ты мой сын. Я подарил местной школе компьютерный класс, но это не означает, что ты будешь лениться и пренебрегать учебой.

– Но, папа... – попытался вставить хоть слово подросток, однако Михасевич, привыкший говорить сам, не слушал ни единого его слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.